

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКАЯ ВОЙНА 1919-1920 ГОДОВ И СУДЬБА ВОЕННОПЛЕННЫХ, ИНТЕРНИРОВАННЫХ, ЗАЛОЖНИКОВ И БЕЖЕНЦЕВ

История взаимоотношений Польши и Советского государства включает ряд сложных и актуальных проблем, составляющих так называемые «белые пятна». Одной из таких проблем является польско-советская война 1919–1920 гг. и в особенности судьба военнопленных, интернированных и заложников, находившихся как в Польше, так и в Советской России.

Опубликованная в 1994 г. работа российского исследователя И.В.Михутиной «Польско-советская война 1919–1920 гг.» проливает свет на причины и происхождение войны, которые вытекали из политических изменений и территориального спора между двумя соседними странами. На основе новых, в том числе ранее не опубликованных, архивных материалах автор рассматривает ход военных действий, тесно увязывая его с внутренними и внешними проблемами, подчеркивая, что идея мировой революции не всегда была доминирующей в советской внешней политике¹. На приводимых в книге примерах война показана не только как продолжение политики обеих стран, но и как трагедия разрушения, уносившая тысячи жизней и ломавшая судьбу многих людей.

Что касается военнопленных, интернированных и заложников в период войны и в первые послевоенные годы, то этот вопрос рассмотрен недостаточно и нуждается в дальнейшем исследовании. Интерес представляет не только количество попавших в плен российских, и польских солдат и командиров, но и число погибших в лагерях и тюрьмах, а также возвратившихся из плена военнослужащих. Наряду с этим до настоящего времени оставались вне поля зрения исследователей такие вопросы как условия содержания военнопленных, интернированных и заложников, политика советского и польского правительств по выработке соглашений и механизма по возвращению их на родину.

Вопросы, касающиеся количества военнопленных Красной Армии, погибших в плену и возвратившихся на родину в определенной степени освещены в статье И.В.Михутиной «Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919–1921 гг.?»². Однако другие аспекты проблемы, связанные с пребыванием в плену, а также создание и деятельность Смешанных Комиссий по репатриации и других межгосударственных органов по возвращению российских, украинских и польских пленных в статье практически не рассмотрены.

Противоречивые сведения о количестве погибших военнопленных красноармейцев в польских лагерях приведены в статьях и заметках, опубликованных за последние годы в российской периодической печати. Явно занижены сведения о количестве советских военнопленных и, в особенности относящиеся к определению числа погибших в плену, содержатся в исследованиях польских историков Збигнева Карпуса³ и Ежи Куманецкого⁴. Оценка этих сведений будет изложена в процессе освещения данной темы исследования.

Опубликованная четверть века назад книга П.Н.Ольшанского «Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924 гг.» представляет интерес с точки зрения фактического материала о польском населении на территории тогдашней России. Автор отмечает, что в годы мировой войны на территории России находилось около 3 млн. польских беженцев в основном из губерний, отошедших затем к Польше по Рижскому договору. В это число входили также рабочие и служащие эвакуированных на восток польских промышленных предприятий. Точное число беженцев на 1 января 1917 г. составляло 3112180 чел., распределенных по 69 губерниям России⁵. Возвращение этого огромного количества населения на территорию Польши представляло собой сложную и трудноразрешимую между двумя странами проблему в течение нескольких лет.

В результате смены социально-экономического и политического строя в России и международной обстановки под влиянием мировой войны возникли сложные и противоречивые отношения между Польшей и Советской Россией. В конце 1917 г. на этнически польской территории под покровительством германских и австро-венгерских оккупационных властей было воссоздано Королевство Польское, во главе которого был образован Регентский Совет (РС).

Брестский мир, заключенный в марте 1918 г. между Германией и Советской Россией, отменял права России на Королевство Польское и Регентский Совет, стремясь закрепить статус самостоятельного правительства, пытался учредить польское дипломатическое представительство в России. Эта миссия была поручена председателю образованной еще при Российском Временном правительстве Ликвидационной Комиссии по делам Королевства А.Ледницкому. Однако Народный Комиссариат по Иностранным Делах РСФСР (НКВД) в начале апреля 1918 г. отказал ему в приеме в качестве официального представителя польского независимого государства. Что касается возвращения польских беженцев, реэвакуации имущества и других вопросов, то все ни были переадресованы в образованный еще в ноябре 1917 г. Комиссариат по польским делам при Комиссариате по делам национальностей РСФСР. И тем не менее Совет Народных Комиссаров РСФСР (СНК) 29 августа 1918 г. принял Декрет, которым отменялись «все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство»⁶.

Поражение Германии и Австро-Венгрии в мировой войне и внутренние изменения в них привели к активизации политических сил на оккупированных территориях, в том числе и в Польше. В первых числах ноября 1918 г. в Люблине было образовано Временное народное правительство Польской Республики, которое объявило о низложении Регентского Совета. Учитывая это обстоятельство, Советское правительство лишило находившуюся в стране миссию РС дипломатического иммунитета, а польские социал-демократические радикалы в России, явочным порядком, используя Комитет польских беженцев, опечатали здание, архивы и имущество миссии. Но вскоре политические изменения, произошедшие в Польше, привели в середине ноября к власти лидера идеи общенациональной коалиции Юзефа Пилсудского. Он принял власть из рук Регентского Совета, стал Начальником (главой) Государства с широкими, почти диктаторскими полномочиями. 16 ноября 1918 г. было объявлено об образовании Польского государства, сформировано левое правительство во главе с Е.Морачевским.

С первых дней после восстановления польской государственности отношения между двумя странами не улучшились и напряженность не ослабевала. 26 ноября министр иностранных дел Польши Л.Василевский направил в Москву ноту протеста против ликвидации миссии Регентского Совета с угрозой применить репрессии против российских граждан в Польше⁷.

Советская сторона сдержано отвечала на польские ноты, пытаясь урегулировать конфликт, гарантировала безопасность сотрудникам миссии, свободу пребывания и выезда из России. Наряду с этим Нарком Иностраных дел РСФСР Г.В.Чичерин выразил готовность установить межгосударственные отношения с Польшей путем обмена дипломатическими представителями. Однако содержание ответных нот МИД Польши, выдержанных в резких тонах, свидетельствовало о жесткой позиции, занятой польским правительством в отношении Советской России и не способствовало установлению дружественных отношений между двумя странами.

Правительство РСФСР со своей стороны выполнило все условия, связанные с выездом из России миссии Регентского Совета, который был назначен на 2 января 1919 г. Однако

именно в эти дни на территории Польши произошли трагические события, в результате которых была уничтожена делегация Российского Общества Красного Креста (РОКК) в количестве пяти человек, в том числе двух женщин. Делегация эта была направлена в Польшу для оказания помощи российским военнопленным, возвращавшимся из Германии на родину. В связи с этими событиями отъезд миссии РС был отложен, ее персонал был арестован.

Учитывая внутренние политические перемены в Германии в ноябре 1918 г., Советское правительство аннулировало Брестский мирный договор и 17 ноября части Красной Армии перешли демаркационную линию и начали занимать оставляемые немецкими войсками литовские и белорусские территории, являясь одновременно опорой для левых сил в борьбе за власть. К концу года в Литве, Белоруссии и на Украине были образованы советские республики. Это обстоятельство не устраивало Польское правительство, которое претендовало на эти территории. В связи с этим оно проявляло большую активность по противодействию большевистскому влиянию в этих регионах. В своей деятельности правительство Польши опиралось на местное польское население, которое представляло в них наиболее зажиточные и просвещенные слои. В Литве и Белоруссии были организованы отряды самообороны, создан Комитет защиты восточных окраин, сформирована литовско-белорусская дивизия. Все эти действия Ю.Пилсудский характеризовал как превентивную защиту Польши от революции извне. Позже он писал, что «Польша имела начало войны с Советами уже в 1918 г.». И далее подчеркивал, что он поставил себе независимо от кого бы то ни было, уже в 1918 г. четкую цель в войне с Советами, а именно решил напрячь силы, чтобы возможно дальше от тех мест, где рождалась и выковывалась новая жизнь, пресечь все попытки и поползновения еще раз навязать ее Польше⁸.

Не отвечая на конкретные советские предложения по установлению межгосударственных отношений, Польша в нотах МИД от 22 и 30 декабря 1918 г. протестовала против продвижения советских войск к польской границе. Дипломатические шаги сопровождались определенными военными действиями. 1 января 1919 г., используя отряды самообороны, подкрепленные офицерами польской армии из Варшавы, поляки взяли Вильнюс. Однако через три дня город вновь был освобожден частями Красной Армии. Эта неудача не охладила устремлений Польши на восток. Левое правительство Е.Морачевского было заменено на правительство И.Падеревского, которое более отвечало целям и задачам Начальника Государства и его действия соответствовали интересам западных держав, поддерживавших Польшу в ее борьбе против большевизма.

Новое правительство направило в Москву чрезвычайным уполномоченным МИД Польши А.Венцковского для решения вопросов, связанных непосредственно с арестом членов миссии Регентского Совета и возвращением польских беженцев. По прибытии 24 марта он представил в НКВД РСФСР письмо, в котором сообщалось о мерах, принятых польскими властями по расследованию и привлечению к ответственности убийц членов миссии РОКК в Польше⁹. На основании этого письма Советское правительство освободило 27 марта персонал миссии РС.

Неоднократные обращения Советского правительства к Польше установить нормальные межгосударственные отношения между двумя странами для разрешения возникших проблем¹⁰, не находили положительного отклика. Это могло свидетельствовать только об одном – об агрессивных намерениях польских властей в отношении Советской России, что и подтверждалось развитием дальнейших событий.

8 февраля 1919 г. Германия, выполняя волю стран Антанты, подписала с Польшей военно-политическое соглашение о принципах эвакуации немецких войск и замене их частями польской армии на литовских и белорусских землях. В соответствии с данным соглашением 10 тыс. польских солдат двумя оперативными группами продвинулись до рек Неман и Припять, где пришли в соприкосновение с частями Западного Фронта Красной

Армии. Таким образом польско-советский фронт был открыт на большом протяжении и принял более четкие и реальные формы.

Поскольку численный состав советских войск в то время был значительно ослаблен переброской частей на Восточный фронт для борьбы с армией Колчака, то польским войскам не составило большого труда вести успешные наступательные действия. В начале марта поляки заняли Слоним, Пинск и другие города. 19 апреля 1919 г. польские части вновь заняли Вильнюс.

Занимая города и населенные пункты, легионеры польской армии учиняли погромы, арестовывали коммунистов и им сочувствующих, многих из которых расстреливали. 28 марта Председатель Совета Народных Комиссаров Литовско-Белорусской Республики В.Мицкевич-Капсукас в радиোগрамме правительствам стран Антанты и Германии сообщал о насилиях, совершаемых польскими войсками над «всеми попадающимися в их руки сторонниками рабоче-крестьянской власти» и теми, кого они считали ее приверженцами. «Еврейское население почти совершенно истребляется, – указывал он, – заподозренные в близости к Советской власти расстреливаются или вешаются на месте»¹¹.

Письмо с протестом против насилий, совершаемых над белорусским населением польскими легионерами, направил также Нарком иностранных дел РСФСР Г.В.Чичерин А.Венцковскому 20 апреля 1919 г. Он приводил факты избиения обвиненных в принадлежности к коммунистам жителей в Белостоке, Слониме и расстрела 6 марта в Пинске в госпитале № 1 шестерых санитаров. 25 апреля, в связи с вероломным нападением на Вильно польских солдат переодетых в русские красноармейские мундиры, Г.В.Чичерин сообщил А.Венцковскому о прекращении переговоров и о его высылке из Москвы¹². Более того, в ответ на жестокое обращение с населением оккупированных территорий, на массовые расстрелы жителей литовских и белорусских земель правительство РСФСР 6 мая 1919 г. заявило, что «в Советской России были арестованы в качестве заложников представители польской буржуазии и помещиков»¹³. Вновь был арестован персонал миссии бывшего Регентского Совета.

К тому времени в Польше были арестованы и находились в тюрьмах сотни коммунистов, членов профсоюзов и представителей советской власти на занятых поляками территориях. 20 мая заместитель министра иностранных дел Польши Вл.Врублевский в ноте Г.В.Чичерину осудил действия советских властей и потребовал освобождения задержанных в России лиц. Наряду с этим он предлагал произвести обмен арестованных в Польше коммунистов на поляков, арестованных в России. 3 июня в ответной ноте Г.В.Чичерин привел многочисленные факты арестов, расстрелов и грабежей, произведенных польскими военными и заявил от имени Советского правительства самый решительный и негодующий протест. Социалистические правительства России и союзных с нею республик, говорилось в ноте, оказались «принужденными прибегнуть к захвату заложников только под давлением необходимости, в которую поставил их беспримерный образ действия польских властей, в особенности же те неслыханные жестокости, погромы и расправы, которые стали повседневным явлением в практике польских войск и которые обогрели кровью улицы Вильно, Лиды, Пинска и бесчисленного количества других городов и сел»¹⁴. Вместе с тем Советское правительство соглашалось на выдачу задержанных в России в качестве заложников лиц в обмен на арестованных в Польше советских деятелей и коммунистов.

Миссия в проведении переговоров была предоставлена лидеру польских коммунистов, сотруднику НКВД России в 1918 г. Юлиану Мархлевскому. В 1919–1920 гг. он являлся членом ЦК КП Германии и проездом из Германии в июне 1919 г. был в Варшаве, где встречался с отдельными членами польского правительства, которым предложил свои услуги в ведении переговоров.

По возвращении в Москву Советское правительство поддержало инициативу Ю.Мархлевского и поручило ему продолжить контакты в этом направлении. В начале

июля Мархлевский отправился в Польшу и в Бяловеже вел неофициальные переговоры с А.Венцковским и представителем Польского Общества Красного Креста (ПОКК) М.Коссаковским, в ходе которых он пытался обсудить вопросы прекращения войны между Польшей и Советской Россией, указав при этом, что Советское правительство было готово пойти на значительные территориальные уступки. Однако польская сторона отказалась от официальных переговоров по государственной линии и предложила вести их только по линии обществ Красного Креста¹⁵.

7 октября НКВД (а 22 октября 1919 г. и Совет Народных Комиссаров РСФСР) уполномочил Ю.Мархлевского на ведение переговоров с представителями Польского Общества Красного Креста. Помимо этого Мархлевский получил от Г.В.Чичерина мандат на ведение предварительных переговоров о мире между двумя странами¹⁶.

На предстоящих переговорах польская сторона находилась в более выгодных условиях, поскольку ее позиция подкреплялась военными успехами на польско-советском фронте, а части Красной Армии в то время вели упорные бои против армии генерала Деникина. 8 августа польские войска заняли значительные территории, в том числе г. Минск.

Что касается прекращения военных действий, то на неоднократные запросы Советского правительства начать переговоры по данному вопросу польское правительство не отвечало, предполагая дальнейшее продвижение своих войск. Эти устремления были продемонстрированы Польшей в сентябре на заседании Высшего Совета мирной конференции стран Антанты в Париже. На одном из заседаний Совета тогдашний глава польского правительства И.Падеревский заявил об имеющемся польском проекте послать 500-тысячную армию на Москву. Там же он объявил о крупных военных успехах на всех направлениях, подчеркнув, что к тому времени было «захвачено в плен от тридцати до тридцати пяти тысяч большевиков»¹⁷. О 540-тысячной польской армии говорилось и в памятной записке заместителя военного министра Польши Т.Соснковского французскому правительству, где излагалась просьба к государствам Антанты оказать немедленную помощь польской армии обмундированием и вооружением¹⁸. Такая же просьба содержалась и в письме И.Падеревского от 15 октября 1919 г. военному министру Великобритании У.Черчиллю. «Если такая помощь не будет нам предоставлена немедленно, – говорилось в письме, – наш большевистский фронт может быть в любой момент прорван по всей линии и тогда можно ожидать самого худшего»¹⁹.

Все это свидетельствовало о том, что польское правительство не намеревалось вести переговоры с Советской Россией о прекращении военных действий. В связи с этим инструкции, которые дало Министерство иностранных дел Польши главе делегации ПОКК М.Коссаковскому, касались только «ведения переговоров с РОКК о взаимном соглашении в отношении пленных, а также заложников, захваченных советскими властями»²⁰.

Переговоры по линии обществ Красного Креста начались 10 октября на польской территории на ст. Микашевичи и продолжались до 13 декабря 1919 г. Советскую сторону на них представляли Ю.Мархлевский, 3-4 эксперта и супруга Мархлевского в качестве секретаря. Польская делегация состояла из 10-ти членов во главе с графом М.Коссаковским.

Во время переговоров польская делегация строго придерживалась данным ей инструкциям и попытки Мархлевского поставить на обсуждение другие вопросы встречали упорное сопротивление польской делегации.

На заседании 23 октября Ю.Мархлевский от имени Советского правительства заявил о готовности отказаться на основе взаимности от системы заложничества, указав, что эта система последовала из-за попустительства польских властей к убийству в Польше в январе 1919 г. миссии РОКК, а также расстрелов поляками советских служащих на занятых ими территориях. Кроме того Ю.Мархлевский выразил готовность «ликвидировать окончательно путем переговоров с представителями ПОКК дела всех польских заложников, находящихся на территории Советской России»²¹. Эти заявления

явились основой для соглашения, подписанного 2-го ноября, по которому советская сторона обязывалась освободить и отправить на родину взятых в заложники на территории Советской России лиц. Их списки должны были быть согласованы совместно с представителями ПОКК. Польская сторона по данному соглашению практически никаких обязательств на себя не брала, кроме совместного торжественного заявления «о неприменении на будущее время на основе взаимности системы заложничества»²².

По соглашению от 9 ноября 1919 г., которое конкретизировано соглашением от 2 ноября, представитель РОКК от имени правительства РСФСР и представитель ПОКК на основании своих полномочий обязались произвести обмен гражданскими пленными. Для его реализации должны были быть составлены списки: № 1 и № 3 из которых касались российских гражданских пленнх на территории Польши, а № 2 и № 4 касались польских гражданских пленнх на территории России.

В соответствии с принятым в Микашевичах соглашением от 9 ноября в Отделе Запада НКВД России были составлены списки, в которые были включены гражданские пленные поляки по национальности и жители областей, занятых польскими войсками и интернированные ими, подлежащие немедленной передаче Польской Республике. Список № 2 насчитывал 113 фамилий, а список № 4 состоял из 1081 фамилии заложников, гражданских пленнх и поляков из занятых Польшей областей, пожелавших вернуться в Польшу²³.

Однако, как бы тщательно не подходили стороны к составлению списков, включая в них требуемых и «нужных» лиц при осуществлении обмена на практике эти списки часто корректировались, уточнялись. Так, из прибывших в Россию из Польши 400 чел. лишь 43 чел. значились в представленном заранее списке. Но, несмотря на это советская сторона приняла всех, учитывая и то обстоятельство, что среди прибывших было «несколько видных товарищей», не внесенных в список²⁴.

На заседаниях в Микашевичах, хотя и не удалось Ю.Мархлевскому поставить другие важные вопросы отношений между государствами, однако некоторые успехи в этом направлении были достигнуты. Сторонами были выработаны проекты соглашений о взаимоотношении Обществ Красного Креста обеих стран. Поднимался вопрос о принятии декларации о соблюдении законов и обычаев сухопутной войны²⁵, по обмену военнопленных, инвалидов войны и о реэмиграции населения двух стран. И, хотя обсуждения носили предварительный характер, они в дальнейшем были учтены на будущих переговорах в том числе и на Мирной конференции в Риге.

Однако, как отмечает в своей работе И.В.Михутина из 30 тыс. российских военнопленных, находившихся в то время в Польше, репатриации могли подлежать лишь 1-1,5 тыс. чел. А поток беженцев из России в Польшу был достаточно велик, в том числе и лиц призывного возраста, в чем польские власти в то время остро нуждались²⁶. И, поскольку польских военнопленных в России в то время было значительно меньше, чем российских и украинских в Польше, то вопрос об их обмене не получил конкретного разрешения. Кроме того позиция Советского правительства в этом вопросе заключалась в том, что обмен военнопленными должен производиться после прекращения военных действий и заключения мирного договора. В связи с этим непосредственная репатриация военнопленных началась значительно позднее, а именно после подписания специального соглашения о репатриации и Мирного договора между РСФСР, УССР и Польшей.

Дальнейшее обсуждение вопроса по обмену гражданских пленнх и в некоторой степени военнопленных происходило в Берлине уже в сентябре следующего года также по линии Обществ Красного Креста. 6 сентября 1920 г. представители РОКК С.И.Бродовский и ПОКК Э.Залесский подписали соглашение, касающееся облегчения участи жертв войны. Документ состоял из 11 статей, которые обязывали стороны: продолжить выполнение соглашений, подписанных 2 и 9 ноября 1919 г. в Микашевичах; организовать на основе взаимности опеку и всестороннюю помощь заложникам и гражданским пленным и

военнопленным как мировой, так и текущей войн; ускорить возвращение на родину отдельных лиц из числа гражданских пленных путем предоставления списками обществами Красного Креста обеих стран по принципу «голова на голову» (гражданский пленный на гражданского пленного, солдат на солдата, офицер на офицера или командира)²⁷. В данном соглашении указывалось, что подлежащие обмену военнопленные должны были освобождаться от дачи обещания о непринятии участия в дальнейшей войне с отдающими их государствами. Не допускался также перевод из одной категории, например «военнопленные» в другую категорию – «политические заключенные», «преступники», «политические пленные» и т.п.²⁸

Поднятый в Микашевичах вопрос о принятии декларации о соблюдении законов и обычаев войны был в определенной степени развит в другом, подписанном в Берлине соглашении от 17 сентября, которое представляло собой попытку регламентировать положение военнопленных в обеих странах. Для оказания помощи военнопленным представители обществ Красного Креста наметили специальных уполномоченных. РОКК уполномочил своим представителем в Польше видного прогрессивного общественного деятеля, учительницу Стефанию Семполовскую. ПОКК своим уполномоченным в России определил члена РОКК Екатерину Пешкову (супругу А.М.Горького).

Однако Москва не одобрила подписанных Бродовским соглашений. Созванная Межведомственная Комиссия из представителей ВЧК, НКВД, Центроэвака, РОКК на заседании 27 сентября 1920 г. постановила: «соглашение об облегчении участи жертв войны... в жизнь не проводить...; деятельность комиссии по разработке вопросов, связанных с предстоящим обменом гражданских и военных пленными с Польшей продолжить; за гр. Пешковой признать право на представительство Польского Красного Креста в пределах, какие будут предоставлены в Польше тов. Семполовской»²⁹. Е.П.Пешковой была выдана доверенность и деньги для польских пленными в соответствии со списками, полученными от представителей ПОКК и РОКК. На пять списков было получено 2237780 рублей и 4000 польских марок. Удостоверение, выданное Е.П.Пешковой разрешало ей «посещать места, в коих находятся заключенные поляки» и при этом оговаривалось, что «переговоры с заключенными должны производиться в присутствии тюремной администрации»³⁰.

Руководство польских коммунистов в России, в целом заинтересованное в освобождении заключенных в Польше товарищей по партии и других общественных деятелей, также выразило свое отношение к подписанным в Берлине соглашениям. Польбюро на заседании с участием военных считало подписанные С.И.Бродовским соглашения «совершенно невыгодными» для них и потребовало их аннулирования. Наряду с этим оно признало желательным обмен некоторых польских коммунистов на имеющихся в России заключенных поляков, указав при этом, что «такой обмен возможен вне особых соглашений и может состояться всякий раз, когда представители обеих стран наметят определенных лиц, подлежащих обмену и условятся относительно времени и места обмена»³¹. Начальник Польсекции при Политуправлении РККА П.Лапинский (Я.Левинсон) в сентябре в письме Г.В.Чичерину также отмечал, что соглашение Бродовского поможет «разбитой и обезглавленной Партии польских коммунистов, поскольку в лагерях и тюрьмах сидят по меньшей мере 5-6 тыс. политзаключенных. В одном Демблине, – подчеркивал он, – сидит около тысячи... Условия ужасные и партия из 500 поименно указанных уже подготовлена»³². В октябре П.Лапинский развил свою мысль и в письме 26 октября в Берлин он писал о том, что Польбюро настаивает на сохранении Микашевичских и Берлинских соглашений, но не может признать их «по общегосударственным соображениям» и считает что рассматривать эти договоры только с точки зрения получения известного количества «наших» недопустимо и нецелесообразно. «Добиваться получения наших, – подчеркивал П.Лапинский, – как русских граждан считаю политически неправильным»³³.

Еще в период переговоров в Микашевичах польские войска концентрировались на западе и юго-западе Советской России. Советским войскам в начале было трудно противостоять полякам и только к концу года наметился коренной перелом на полях гражданской войны и Красная Армия имела успехи в боевых действиях против войск Деникина и Юденича. Однако до этого для Польши создалась благоприятная обстановка для осуществления агрессивных планов. Нельзя не согласиться с А.В.Воробьевым, который считает, что краеугольным камнем польской «восточной» политики в 1919–20 гг. была поддержка независимой Украины. В диссертационном исследовании он подчеркивает, что «именно это, а не разгром большевизма, к которому, судя по документам, сам Пилсудский относился гораздо терпимее, чем к силам, выступавшим под лозунгом единой и неделимой, явилось главной целью польского марша на Киев»³⁴. В связи с этим советские предложения начать переговоры о мире для Начальника Польского государства Ю.Пилсудского были «не ко времени» и противоречили стремлению Польши укрепить свои позиции на территории Украины и в Белоруссии. Но Верховный Совет Антанты не одобрял польских устремлений и 9 декабря 1919 г. им была оглашена Декларация о временных восточных границах Польши, в основу которых был положен этнографический признак с небольшим отклонением от границ бывшего Королевства Польского. Не одобряла Антанта и целей Пилсудского по образованию самостоятельных «буферных государств» между Россией и Польшей.

Не разделяла, естественно, польских планов и русская политическая и военная эмиграция, основной идеей которых оставалась единая и неделимая Россия.

Несмотря на эти обстоятельства польская пропаганда накаляла обстановку, ссылаясь на «военную опасность» со стороны России, понимая, что в то время Советская Россия еще продолжала находиться в труднейшем положении. Правительство РСФСР 22 декабря 1919 г., а затем 28 января 1920 г. предлагало Польше установить демаркационную линию и опубликовало обращение СНК РСФСР, в котором вновь сообщалось о «безусловном и безоговорочном» признании суверенитета Польской Республики и выражалась надежда и убеждение на разрешение любых территориальных, экономических и иных вопросов путем переговоров и взаимных уступок³⁵.

Что же касается польской стороны, то только 4 февраля 1920 г. польский министр иностранных дел Ст.Патек подтвердил получение заявления Советского правительства, подчеркнув, что оно «изучается и ответ будет сообщен позднее». Вместе с тем Ст.Патек в беседе с американским послом в Польше Х.Гибсоном заявил 8 февраля, что польское правительство не даст ответа на советские мирные предложения до тех пор, пока государства Антанты не выскажут своего к ним отношения³⁶. Высший Совет Антанты вновь не поддержал территориальных претензий Польши и 24 февраля было заявлено, что «союзники не смогут помогать Польше, если из-за ее чрезмерных требований большевики откажутся заключить мир»³⁷.

И тем не менее дело в отношениях между двумя странами шло к военной развязке. Об этом прямо указывал в своей записке В.И.Ленину глава НКВД России Г.В.Чичерин 26 февраля 1920 г. «Надо готовиться к нападению на нас поляков, хорошо теперь вооруженных, и мы должны серьезно думать об обороне Западного Фронта»³⁸. А тремя днями раньше 23 февраля командующий Западным Фронтом В.Гиттис написал в Совет Труда и Обороны России рапорт о необходимости усиления фронта новыми воинскими соединениями, мотивируя это тем, что угроза нападения польских войск возрастает, а численность последних значительно превосходит силы Красной Армии³⁹. В связи с этим Председатель СНК В.И.Ленин 27 февраля отдал распоряжение перебросить на Западный Фронт подкрепления из Сибири и Урала⁴⁰.

Пробные вылазки польские войска предприняли уже в первых числах марта 1920 г., заняв железнодорожные узлы Калинковичи, Мозырь и г. Овруч. Это было прелюдией планируемого тогда наступления на Украину и желанием доказать Антанте, что поляки

располагают достаточными силами для начала военных действий против Советской России. Польский представитель в Лондоне Е.Сапега сообщал в Варшаву, что польские успехи на фронте производят там хорошее впечатление и увеличивают ее престиж⁴¹.

Правительство УССР и Нарком Иностранных Дел РСФСР направили ноты протеста против агрессивных действий Польши и вновь предлагали решить спорные вопросы мирными средствами. Но польское правительство лишь 27 марта ответило на предъявленные ноты, сообщив, что вырабатываются «условия заключения мира с Советской Россией». Более того, как свидетельствует видный политический деятель Польши Ст.Козицкий, уже в феврале Ст.Патек сообщил ему, что «начальник» готовится к походу на Россию, будучи уверенным, что «его войска с легкостью продвинуется так далеко на восток, как он это сочтет нужным»⁴². Следует отметить, что дата отправки ноты совпадала с датой завершения разработки французским генералом Анрисом плана военных операций польской армии на востоке⁴³.

Советское правительство, с целью не допустить развития конфронтации между двумя странами, предлагало рассмотреть вопрос о ведении переговоров в любое время и в любом месте. Предлагались Эстония, Москва, Варшава, Петроград, а также Париж и Лондон. Но Пилсудский и его окружение, взяв курс на военное решение своих задач, при поддержке прессы, выдавали незначительные стычки на фронтах за масштабные боевые действия, за наступление Красной Армии. 17 апреля польские войска были приведены в состояние боевой готовности. К этому времени Польша признала правительство Петлюры на Украине, взяв на себя обязательства помочь ему отвоевать утраченные территории и за уступки Польше шести уездов на Волыни и выставив ряд других, буквально кабальных, для Украины условий. Были сформированы украинские части до 30 тыс. чел., куда вошли бежавшие ранее в Польшу те же войска С.Петлюры, часть пленных советско-польской и польско-украинской войн в 1919 г., а также отряды, ведущие на Украине партизанскую борьбу против советской власти.

Генеральное наступление польских войск началось 25 апреля на широком фронте от Припяти до Днестра и уже в течение двух дней они овладели рядом крупных городов, вышли к Киеву, который заняли 8 мая.

Военные успехи Польши были бы невозможны без огромной поддержки западных держав. В частности Франция к весне 1920 г. поставила Польше в кредит 327700 винтовок, 2800 пулеметов, 48000 револьверов с 518 млн. патронов, 1494 пушки различного калибра, 291 самолет, 250 легковых и 800 грузовых автомобилей, 4500 конных телег, а также 40 тыс. шинелей, 665 тыс. гимнастерок, 540 тыс. брюк, 780 тыс. пар сапог и многое другое имущество и обмундирование⁴⁴. 11048 винтовок было закуплено в феврале в Вене по 140 крон за штуку⁴⁵. Кредит в полмиллиарда франков был выделен Францией в течение 1919 и до лета 1920 г. Кроме того Соединенные Штаты Америки предоставили Польше кредит в 50 млн. долларов. За февраль-август 1919 г. США предоставили Польше в виде помощи 260202 тонны продовольствия на сумму 51671749 долларов⁴⁶.

Отступление советских войск под натиском поляков на Юго-Западном фронте сопровождалось потерями не только территории, но и живой силы, в том числе пленными свыше 30 тыс. красноармейцев и командиров. Об этом с удовлетворением сообщал упомянутый выше премьер-министр Польши И.Падеревский представителям Антанты. Польское посольство в Финляндии также выражало удовлетворение и сообщало об успехах, в частности о занятии Киева и захвате 25 тыс. пленных. «Поляки трубят победу, – говорилось в донесении резидентуры Особого отдела ВЧК из Финляндии, – и даже вывесили флаг над зданием посольства»⁴⁷.

Польские армии развивали наступление и не встречали серьезного сопротивления со стороны советских войск. Отдельные контрудары частей Красной Армии, в частности в Белоруссии 14 мая, хотя и не внесли перелома на полях сражений, однако к 18 мая Юго-Западный Фронт (командующий А.И. Егоров) стабилизировался. Части российской Первой

Конной Армии под командованием С.М.Буденного появились в расположении Юго-Западного фронта и, опираясь в определенной степени на поддержку местного населения, которое испытало на себе плоды польской оккупации⁴⁸, в начале июня прорвали польскую оборону и в результате быстрых маневров и непрерывных боев овладели рядом населенных пунктов, в том числе г. Ровно. Результатом прорыва 1-й Конной Армии противостоящие польские части были разгромлены. Поляки потеряли 8 тыс. погибшими и свыше 1 тыс. плененными. 3-я польская армия в районе г. Киева оказалась отрезанной от своего тыла и перед опасностью быть полностью окруженной начала спешный отход в направлении Коростеня. 6-я польская армия в районе Каменец-Подольского, потеряв опору на левом фланге и из-за опасности быть прижатой к Днестру, также была вынуждена начать отход.

Отступая, польские войска осуществляли грабежи и различного рода насилия над местным населением, применяли систему заложничества, договоренность об отказе от которой была достигнута в Микашевичах. Но по мнению поляков эта договоренность, якобы, не распространялась на территорию Украины. Согласно справки Начальника Информационно-исторической части Генерального Штаба РККА Рыльского только с 1 по 10 июля были отмечены случаи систематических грабежей, в которых принимали участие солдаты из 13, 23, 29, 30, 31, 33 и 159 полков противника. Зафиксированы случаи изнасилования женщин, расстрела крестьян, поджогов деревень, принуждения местных крестьян к отравлению колодезь, а также расстрел трех красноармейцев после проведенных над ними издевательств. Материалы справки свидетельствуют о таком факте, когда не выдержавший насилия 65-летний старик в д. Прудие убил польского солдата, на что поляки ответили массовым террором и на глазах родителей расстреляли молодых коммунистов и советских работников: Юрченко, Велишенко и Косоченко⁴⁹. Насилия и издеательства над мирными жителями были отмечены за этот период и на других участках польско-советского фронта, в частности в зоне действия 35 и 64 полков 9-й польской дивизии⁵⁰.

Такие действия польских войск вынуждали к ответным акциям со стороны советских войск. При отступлении командование Красной Армии также увозило в тыл польских заложников, частично их освобождая, стремясь тем самым не допустить расправы над оставшимися на оккупированных польскими войсками территориях представителями советской власти, угрожая ответными мерами в отношении увезенных поляков. Однако избежать погромов и жестокого обращения с населением удавалось лишь в отдельных случаях. Занимая территории, польские власти продолжали арестовывать, сажать в тюрьмы и расстреливать представителей местной власти, большевиков и им сочувствующих. Особую жестокость в этом проявляли снабженные и вооруженные поляками отряды С.Булак-Балаховича и других командиров белого движения.

К июлю 1920 г. советское командование, подтянув резервы и пополнив численный состав частей Красной Армии, подготовило широкомасштабное наступление под командованием М.Тухачевского, которое началось 4 июля на Западном Фронте. Прорвав оборону противника, части Красной Армии стремительно продвигались на запад, не останавливаясь на этнической границе Польши. В рапорте от 7 июля 1920 г. командующего Западным Фронтом М.Н.Тухачевского Главнокомандующему РККА С.С.Каменеву сообщалось о разгроме польских войск в результате контрнаступления. «В настоящее время, – констатировалось в нем, – главные массы разгромленного противника в полном беспорядке, оставляя нам пленных и прочие трофеи, хлынули в направлении Поставы, Свенцяны»⁵¹. 11 июля был освобожден Минск, в городе восстановлена советская власть. И, хотя польские войска оставили Бобруйск, Минск, Вильнюс и 1 августа Брест, тем не менее, несмотря на поражения и свыше 10 тыс. попавших в плен, польские части в значительной степени сохранили свою боевую способность и личный состав.

В зените советского наступления Председатель ВЧК РСФСР Ф.Дзержинский 26 июля отдал распоряжение своим подчиненным обращать внимание на содержание пленных, в том числе и поляков, которых к тому времени уже насчитывалось более двух десятков тысяч. В распоряжении указывалось на недопущение незаконных действий, озлобляющих пленных. В частности предписывалось не допускать изъятия личных вещей, в том числе одежды и обмундирования. За исполнением этого распоряжения надлежало послать по лагерям, где содержались польские военнопленные, группу контролеров⁵².

Отношение к польским военнопленным регламентировалось также постановлениями высших органов власти и приказами командования Красной Армии. Приказом РВС от 15 августа 1918 г. № 60 и приказами по войскам Западного Фронта от 1 мая 1919 г. № 92 и от 15 июля 1919 г. № 1139 бойцам РККА предписывалось гуманное обращение к пленным, за нарушение которого устанавливалось наказание «в соответствии с законами военного времени»⁵³. В приказе командующего Западным Фронтом от 17 июня 1920 г. также говорилось, что «пленные должны отправляться в тыл в той же одежде, в какой застало их пленение. Красноармейцы, – говорилось в приказе, – должны твердо усвоить, что пленный польский солдат уже не враг»⁵⁴.

15 сентября 1920 г. СТО РСФСР принял специальное постановление о военнопленных польской армии на территории России. По данному постановлению все попавшие в плен военнослужащие польской армии передавались в ведение Главного Управления общественных работ и повинностей НКВД, которое должно было их размещать в специально отводимых для этой цели помещениях. Народный Комиссариат продовольствия обязывался отпускать продовольствие для польских военнопленных согласно существующим нормам красноармейского пайка, а Центральному Управлению снабжения Красной Армии предписывалось «снабжать их вещевым довольствием применительно к красноармейским частям»⁵⁵. «Справедливость требует заметить, – вспоминает автор работы «От Двины до Вислы» Е.Н.Сергеев, – что принятые в этом направлении меры дали благие результаты и, наряду с единичными нежелательными случаями, нам приходилось наблюдать, как в Вильнюсе босоногие конвоиры вели толпы пленных в новеньком обмундировании и щегольских французских ботинках»⁵⁶.

Подобную картину отмечал в докладной записке о работе Временного Революционного Комитета Польши Ю.Мархлевский в конце июля 1920 г. Характеризуя деятельность Красной Армии в период наступления на территории Польши, он подчеркивает, что она в общем «вела себя безукоризненно, не грабила, не бесчинствовала, не причиняла лишних притеснений». Но были и исключения, отмечал он. Так, например, «Конный Корпус Гая первое время вел себя безобразно и только потом бесчинства были прекращены крутыми мерами». В отношении к пленным Мархлевский приводит аналогичный случай, когда «шел транспорт пленных, прекрасно одетых и обутых, их сопровождал маленький конвой босых и оборванных красноармейцев. Эти герои, – подчеркивал он, – отказались, значит, от того, чтобы взять у своих пленных сапоги»⁵⁷.

В период успешного наступления частей Западного фронта Министр иностранных дел Польши Е.Сапега от имени польского правительства с целью «прекратить кровопролитие и восстановить мир» предлагал «немедленное перемирие и открытие мирных переговоров»⁵⁸. Этого же числа начальник Генерального штаба польской армии ген. Т.Розвадовский предложил командованию Красной Армии прекратить военные действия и прислать военных представителей для установления перемирия. Ответ на это предложение должен был поступить до 25 июля до 3 часов⁵⁹.

23 июля Г.В.Чичерин известил Е.Сапегу о согласии немедленно начать мирные переговоры. В этот же день Главком РККА уведомил главное командование польской армии о получении распоряжения Советского правительства начать переговоры о перемирии и мире. На следующий день командующий войсками Западного фронта М.Н.Тухачевский в радиোগрамме командованию польской армии назначил 30 июля

переход советских представителей через линию фронта для ведения переговоров. Т.е. практически все было готово для начала переговоров. Однако польская сторона, видимо, не намерена была вести дело к миру. На секретном заседании Совета Министров Польши 29 июля были определены цели правительства, которые состояли в том, чтобы добиться «непродолжительного перемирия» и получить от союзников необходимое вооружение⁶⁰. Польское правительство приняло к сведению рекомендации союзных государств, «чтобы при переговорах о перемирии не делать ничего такого, что предопределяло бы мир»⁶¹. Правительство Польши, учитывая эти рекомендации, пришло к выводу, что «можно было бы заключить мир без вмешательства союзных держав», при условии если «большевики предложили бы выгодные условия». В конечном итоге Совет Министров постановил, что «в случае, если большевики проявят стремление сразу же заключить мир, делегация должна уехать, чтобы поставить об этом в известность правительство»⁶². Таким образом и поступила польская делегация, покинув Барановичи 2 августа 1920 г. Однако уже 5 августа Е.Сапега сообщил о готовности послать в Минск представителей для ведения мирных переговоров, возложив при этом ответственность за дальнейшее продолжение военных действий на советскую сторону. Одновременно польское правительство опубликовало в стране обращение «Родина в опасности», в котором утверждало, что Советское правительство отвергло перемирие. В Польше был объявлен призыв добровольцев и к середине августа их уже насчитывалось свыше 70 тыс.⁶³ К этому времени польское командование, перегруппировав силы и получив подкрепление, 16-17 августа перешло в контрнаступление. Новое правительство, сформированное крестьянским лидером В.Витосом, нашло поддержку у народа и, умело сочетая дипломатические шаги с военными успехами, нанесло ряд поражений Первой Конной Армии в Галиции, тем самым лишив поддержки части Западного фронта на подступах к Варшаве. К 23-24 августа польские войска вышли к Восточной Пруссии и развили наступление в восточном направлении.

Что касается варшавского похода частей Красной Армии, то уже к 10 августа все отчетливее стали прослеживаться крупные просчеты советского командования. К ним, прежде всего относились несогласованность взаимодействия между фронтами и отдельными армиями, чрезмерное удаление передовых частей от тыла, усталость от длительного перехода, а также враждебное отношение польского населения. Армии Тухачевского, быстро продвигаясь, не успевали создавать на освобождаемых и занимаемых территориях свои устойчивые органы власти, а там, где они создавались во главе их ставились нежелательные для местного населения лица еврейской национальности⁶⁴. Все это в целом отрицательно сказалось на дальнейших событиях. Картина на фронте резко изменилась и уже отступающие части Красной Армии проявляли далеко недружелюбное отношение к польскому населению и в особенности к действующим против них партизанам. Советским войскам приходилось в полном смысле слова вести «арьергардные бои с местным населением, во время которых красноармейцы жестоко расправлялись с повстанцами»⁶⁵.

Неудавшийся поход на Варшаву и беспорядочное отступление частей Красной Армии обернулось для них огромными потерями, в том числе и военнопленными. Поляки брали в плен тысячами и целыми полками. По показаниям, например, бежавшего из плена красноармейца В.В.Валуева, попавшего в плен 18 августа под Новоминском, пленено было около 1000 чел. «Из всего состава, – показывал он на допросе в Ковно, – выбрали коммунистов, комсостав, комиссаров и евреев, причем тут же на глазах всех красноармейцев один комиссар еврей был избит и потом расстрелян»⁶⁶. Далее он свидетельствовал, что у всех отбирали обмундирование, а кто сразу не исполнял приказания польские легионеры избивали до смерти. Всех попавших в плен отправили в концентрационный лагерь Тухоль Поморского воеводства, где уже было много раненых,

которых не перевязывали неделями, в следствие чего у них в ранах заводились черви. Многие из раненых умирали, каждый день хоронили по 30-35 чел.⁶⁷

Другой красноармеец И.И.Кононов, также бежавший из польского плена, сообщил, что приблизительно в тоже время в августе 498 и 499 полки 6-й советской дивизии были окружены и попали в плен. После разоружения у солдат отобрали обмундирование, деньги, личные вещи и документы и даже сняли белье. Взамен дали старую и рваную одежду. Легионеры, избивая пленных плетками и прикладами, добивались выдачи коммунистов и командиров. Затем всех отправили в Белосток в лагерь для военнопленных⁶⁸.

Подобные сведения содержались и в оперативных сводках частей Юго-Западного фронта. Так, 9 сентября 1920 г. из штаба 126 бригады сообщалось, что «противник «атакой в 200 сабель со стороны Нижнего Куркулана без выстрела смял 406 полк и после чего атаковал 407 полк на высотах юго-западнее Тифенбруна». Красноармейцы, поддавшись панике, даже не сопротивлялись, а командный состав не смог их заставить вести ответный огонь. Отстреливались лишь командиры, большая часть которых погибла в бою. «Налетевшим противником, – говорилось в сообщении, – часть красноармейцев была изрублена, большая часть взята в плен»⁶⁹.

В материалах Организационного Управления Полевого Штаба РККА имеются сводки сведений о потерях на фронтах за 1920 год. Эти сведения систематизированы, сведены в таблицы с разбивкой на количество убитых, умерших, пропавших без вести, взятых в плен, дезертировавших, больных и раненых. Материал сводки основан на донесениях отдельных фронтов, армий и дивизий. При этом следует учитывать, что сведения от отдельных дивизий в ряде случаев были представлены неполными в связи с отсутствием данных от некоторых подчиненных дивизиям подразделений. И тем не менее материалы, имеющиеся в сводках, представляют большой интерес с точки зрения общих потерь частей Красной Армии за 1920 год. В общей сводке Полевого Штаба РККА за 1920 год общее количество попавших в плен и пропавших без вести по Западному и Юго-Западному фронтам составляет 94880 чел. Дезертиров 17546 чел.⁷⁰ Следует учесть, что сведения, конечно, не полные. Кроме того необходимо иметь ввиду, что даже за 1921 год по тому же Западному Фронту, когда военные действия практически не велись, за исключением мелких стычек на нейтральной полосе, Организационное Управление Полевого Штаба не могло собрать достаточно полных сведений, то о полноте их за 1920 год, когда велись крупные военные операции, говорить не приходится.

В результате беспорядочного отступления частей Красной Армии большие массы красноармейцев и командиров оказались в польском плену. Кроме того 40-50 тыс. советских солдат перешли германскую границу, где они были разоружены и интернированы. Эта часть красноармейцев находилась в более благоприятных условиях, нежели те, которые попали в польский плен. Свидетельством тому может служить информация советского Уполномоченного НКВД и НКВД РСФСР в Берлине В.Л.Коппа. Он передавал в Москву, что получил банковский кредит в 20 млн. немецких марок и запрашивал разрешение на продажу лошадей, что позволило бы на вырученные деньги приобрести питание и одежду для интернированных в Германии красноармейцев⁷¹.

Оказавшиеся в польском плену красноармейцы и командиры, а также большое число гражданских политических пленников, основную массу которых составляли арестованные представители советской власти на территории Украины, Белоруссии и России, находились в многочисленных концентрационных лагерях. Некоторые из этих лагерей были построены австро-венграми, другие сооружены за короткое время и были совершенно не приспособлены для длительного содержания военнопленных и интернированных. Например, лагерь в Домбе под Краковом состоял из бараков с деревянными неплотными стенами, во многих из которых не было деревянных полов. Отопление помещений должно было производиться железными печами. Кроватей и нар

почти не было. Только в женских бараках было небольшое количество кроватей. Военнопленные спали на досках, на земле, поскольку соломы и сена почти не было. По свидетельству представителя Американского Союза Христианской Молодежи (Отдел помощи военнопленным в Польше), обследовавшего польские лагеря осенью 1920 г. было зафиксировано отсутствие белья, одежды, обуви, а также отмечался холод в помещениях, неудовлетворительное питание и грязь и подчеркивалось, что все это грозило громадной смертностью для военнопленных. В отчете констатировалось, что часть пленных ходила на работы, но большинство не работало и не имело возможности починить свое белье и одежду. Указывалось также на то, что тех, кто пытался жаловаться, офицеры избивали. На 11 сентября 1920 г. в лагере находилось 5 тыс. пленнх. Среди них были и интернированные бредовцы, денкиинцы, красноармейцы, польские дезертиры, а также 500 политических и 860 гражданских пленнх белорусов, украинцев и русских⁷².

К концу войны общее число пленнх красноармейцев и командиров в лагерях Польши насчитывалось свыше 150 тыс. По этому вопросу имеются различные оценки как в польской, так и российской исторической литературе и периодической печати. Так польский историк Збигнев Карпус оценивает общее количество российско-украинских военнопленнх в 110 тыс. чел.⁷³ Что касается российских историков, то у них существуют различные точки зрения на количество попавших в плен красноармейцев. Опираясь на архивные материалы АВП РФ, РГВА, ЦХИДК и польские архивы, к наиболее реальной оценке в этом вопросе подходит И.В.Михутина, определяя общее число российско-украинских военнопленнх в 165550 чел.⁷⁴

Имеются и иные оценки общего количества военнопленнх в Польше в результате польско-советской войны, опубликованные в периодической печати в последние годы. Так, П.Аптекарь в статье «Ненужная Контркатынь», помещенной в «Независимой газете», также как и польский историк Збигнев Карпус, говорит о 110 тыс. попавших в плен⁷⁵. В этой же газете Ю.Иванов в статье «Трагедия польского плена» дает цифру «свыше 100 тыс.», но здесь же приводит ноту Г.В.Чичерина поверенному в делах Польши в РСФСР Т.Филиповичу, в которой говорится о 130 тыс. пленнх⁷⁶.

Наряду с военнопленными польское командование пополняло контингент так называемых гражданских пленнх. 21 августа командование Северного фронта польской армии издало приказ об аресте и предании суду лиц, сотрудничавших с советскими властями. Всем начальникам гарнизонов предписывалось выявлять «всех жителей, которые во время большевистского нашествия действовали во вред польской армии и государства, поддерживая активную связь с неприятелем, развертывали агитацию в его пользу, создавая большевистские комитеты и т.д.». Арестовывались также лица, в отношении которых имелись «основательные подозрения», но не было достаточно улик. Все они, наряду с арестованными ранее в 1919 г. и первой половине 1920 г. составили огромную массу гражданских пленнх.

Учитывая благоприятное развитие военных действий на фронтах, Польское правительство согласилось на начало переговоров о перемирии и мире и послала в Минск представительную делегацию в количестве 30 членов во главе с Я.Домбским. Советскую делегацию возглавил член коллегии НКВД РСФСР К.Х.Данишевский. Первые пять заседаний прошли в Минске. Но поскольку военные действия существенно затрудняли связь с правительствами обеих сторон 2 сентября было принято обоюдное решение о переносе конференции на нейтральную территорию в столицу Латвии Ригу⁷⁷. Советскую делегацию возглавил опытный дипломат А.А.Иоффе. Ему был выдан мандат «на ведение переговоров и подписание договора о перемирии и прелиминарных условиях мира с Польшей».

На переговорах в Минске предметом обсуждения была советская декларация об основных условиях советско-польского мирного договора. Главными из 15 требований, предъявленными советской делегацией в декларации было ограничение польских

вооруженных сил до 50 тыс. чел., граница по так называемой линии Керзона, и ряд других различных ограничений. Польская делегация категорически выступила против этих требований, считая их неприемлемыми, заявляя, что «отстаивание этих основ русской делегацией сделает дальнейший обмен мнениями бессмысленным»⁷⁸. И когда польские войска достигли линии Керзона, Совет Обороны государства 27 августа высказался за нарушение этой линии. На заседании Совета Ю.Пилсудский заявил, что «мир является бессмыслицей»⁷⁹.

Российская делегация в составе 30 чел., в том числе представители Украины, прибыла в Ригу 12 сентября. Польская делегация в количестве 80 членов прибыла в латвийскую столицу 16 сентября. 23 сентября ВЦИК РСФСР опубликовал заявление по вопросу об основах соглашения между РСФСР и Польшей, в котором Советское правительство отказывалось от выставленных ранее условий и выразило готовность немедленно подписать перемирие и прелиминарные условия мира на основе признания границы, проходящей значительно восточнее границы, установленной Верховным Союзным Советом 3 декабря 1919 г. Отказ Польши от данного предложения, говорилось в заявлении, «означал бы, что Польша решилась, вероятно под давлением империалистов Франции и других стран Антанты на зимнюю кампанию»⁸⁰.

Среди широкого круга вопросов конференции, основными из которых были прекращение военных действий и договор о мире, в повестке дня был также вопрос об обмене военнопленными, заложниками, интернированными и о реэвакуации населения, оказавшегося на территории противника. Для их обсуждения и выработки по ним согласованных решений была создана Специальная двусторонняя Комиссия, советскую делегацию в которой, возглавил сотрудник НКВД РСФСР И.И.Лоренц, польскую – Э.Залесский. В состав советской делегации входили также и представители Украины, поэтому делегация как и делегация на мирной конференции в целом именовалась Российско-Украинской. В связи с этим решения по обмену военнопленными, заложниками, гражданскими пленными и интернированными касались как России, так и Украины.

Проблема обмена заложниками и в некоторой степени военнопленными уже обсуждалась ранее в Микашевичах и как свидетельствовал глава польской делегации на этих переговорах М.Ст.Коссаковский Начальник Польского государства Ю.Пилсудский тогда «в знак презрения охотно отдал бы всех пленных»⁸¹. И тогда же Пилсудский дал делегации директиву о паритетном обмене «голова за голову». Однако реализовать этот принцип полностью не удалось. Дальнейшие события на польско-советском фронте резко нарушили паритет и на мирной конференции в Риге в основу был положен принцип «всех на всех».

Большое значение при обсуждении в Специальной Комиссии вопросов о военнопленных, гражданских пленных и заложников имели материалы, представленные уполномоченным РОКК в Польше Ст.Семполовской. Опираясь на эти данные, глава советской делегации в Риге А.Июффе телеграфировал в Москву 5 декабря 1920 г. о том, что положение пленных, интернированных, политических заключенных и беженцев в Польше крайне тяжело. Трудно провести грань в положении различных групп. Более того, согласно официальным инструкциям польских властей все военнопленные в лагерях были подразделены на 4 категории. Первая – «категория русские» – это та часть пленных, которая поддавалась белогвардейской агитации и являлась переходной ступенью на пути в их формирования. Пленные этой категории жили в относительно сносных условиях. На их территории имелись школы, библиотеки, а в бараках имелись кровати. Вторая категория – «поляки» – это бывшие красноармейцы польской национальности, попавшие в плен. Из этой категории по мере возможности пополнялись польские воинские части действующей армии. Условия их жизни были несколько лучше, чем у военнопленных остальных двух категорий. Третья категория – «большевики» – это самая многочисленная часть красноармейцев, попавших в плен во время боевых действий. Жила эта категория в

тяжелейших условиях, в постоянном холоде, голоде и бесправии. И, наконец, четвертая категория – «красноармейцы-коммунисты». Она находилась в самых жутких условиях, в бараках, окруженных колючей проволокой, без права общения между бараками. Режим был тюремный. Пленные были одеты хуже всех и почти все без обуви. Администрация лагеря объясняла это тем, что коммунисты, мол, не ходят на работу. Некоторые бараки были переполнены настолько, что пленные «не могли лежать, а принуждены были стоять, облокотившись один на другого»⁸².

В таком же режиме, как и пленные коммунисты, находились и пленные красноармейцы-евреи. Их положение усугублялось еще и тем, что в то время в Польше резко поднялась волна антисемитизма.

Не лучшими были условия в тюрьмах, где содержались политические заключенные. По свидетельству советского писателя, сотрудника ЧК в 20-е годы Н.Равича, арестованного поляками в 1919 г. и побывавшего в тюрьмах Минска, Гродно, Повонзках и лагере Домбю в камерах было так тесно, что только счастливицы спали на нарах. В минской тюрьме в камере повсюду были вши, особенно ощущался холод, поскольку верхняя одежда была отобрана. «Кроме осьмушки хлеба (50 граммов), утром и вечером полагалась горячая вода, в 12 часов та же вода, приправленная мукой и солью»⁸³. Пересыльный пункт в Повонзках «был забит русскими военнопленными, большинство из которых были калеки с искусственными руками и ногами». Германская революция, пишет Н.Равич, освободила их из лагерей и они стихийно пошли через Польшу к себе на родину. Но в Польше они были задержаны специальными заслонами и загнаны в лагеря, а некоторые на принудительные работы»⁸⁴. Лагерь в Домбю представлял собой целый город, окруженный колючей проволокой, с многочисленными домами, улицами, площадями. Контингент разнообразный и в зависимости от положения, значения и ряда других условий заключенные жили в бараках или в специальных домах⁸⁵.

Располагая фактическими сведениями о положении российских военнопленных, глава российско-украинской делегации на Рижской конференции обратил внимание председателя польской делегации Я.Домбского на то, что подобное отношение, в частности к военнопленным-коммунистам, рассматривается советской стороной «как акт крайнего недружелюбия», так как именно пленные этой категории, представлявшие для советской стороны наибольшую ценность, ставились в условия, вызывающие их гибель.

Нарком Иностранных Дел РСФСР Г.В.Чичерин 17 декабря в депеше советской делегации в Ригу отмечал, что материалы Семполовской должны быть учтены при рассмотрении соответствующих статей Мирного договора с Польшей, а именно следует внести положения о недопустимости деления военнопленных на различные категории и применения к ним разных режимов. Представленные материалы еще более убеждали советскую сторону в необходимости произвести обмен в первую очередь тех пленных, которые находились в худших условиях.

В процессе переговоров в Риге 12 октября 1920 г. был подготовлен и подписан Договор о перемирии о прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой. Договор был ратифицирован ВЦИК 23 октября, Всеукраинским ЦИК 21 октября и польским Сеймом 22 октября 1920 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Либаве 2 ноября 1920 г.

В соответствии со ст. VI Договора стороны обязались «включить в Мирный договор положения, касающиеся обмена военнопленными и возмещения действительных расходов по их содержанию». Статья VII предписывала образовать смешанные комиссии в целях безотлагательной выдачи заложников и незамедлительного обмена гражданских пленных, лиц интернированных, а по мере возможности и военнопленных и организации возвращения беженцев и эмигрантов. Ст. VIII обязывала стороны «издать соответствующие распоряжения о приостановлении судебных, административных,

дисциплинарных и всяких других преследований против гражданских пленных, лиц интернированных, заложников, беженцев, эмигрантов и военнопленных»⁸⁶.

В соответствии со статьями Договора военный министр Польской Республики генерал К.Соснковский издал 28 октября 1920 г. особый приказ, доведенный до руководства лагерей, а также «отделов и учреждений, в которых находятся лица, указанные в ст. VII Договора». В приказе предписывалось до 15 ноября представить во II отдел Генерального штаба польской армии списки гражданских пленнх, лиц интернированных, беженцев, эмигрантов граждан Советской России и Украины. Наряду с этим следовало немедленно отправить «в лагерь № 10 в Калише тех лиц, кои на основании ст.ст. VII и VIII подлежат немедленной выдаче властям их государств»⁸⁷. Этот лагерь предназначался для сосредоточения партий указанных категорий пленнх, в том числе пленнх и интернированных в период Первой мировой войны. В дальнейшем, согласно приказа, военнопленные после санитарной обработки и возврата тщательно проверенных личных вещей и после урегулирования всех вопросов, связанных с обменом, должны были отправляться на родину. Документ, которым следовало руководствоваться при обмене пленными должна была выработать образованная согласно ст. VII соглашения Смешанная Комиссия. Этой же комиссии предоставлялось право защиты интересов и оказания помощи всем категориям пленнх⁸⁸.

Вопрос о создании двусторонних смешанных комиссий, одна из которых должна была работать в Польше, а другая в России, решался в Риге на образованной в начале ноября Специальной Комиссии по возвращению заложников, пленнх, интернированных, беженцев и эмигрантов. В состав советской делегации в данной комиссии входили кроме ее председателя И.И.Лоренца представители НКВД, РОКК и Цетропленбежа: Сонье, Рожен, Ю.Лещинский, Панский, Ястребов, Розенблат и Арский. В состав польской делегации вошли: Э.Залесский – председатель и члены делегации: Ст.Кузак, Л.Альтберг, Рундштейн и К.Познанский.

С первых же заседаний в Комиссии возникли расхождения во взглядах на проблему обмена военнопленными и другими категориями лиц, оказавшимися по разные стороны линии фронта. Различные точки зрения обнаружились по двум основным вопросам, а именно по очередности обмена и по составу смешанных комиссий и их полномочий. Польская сторона предлагала приступить к немедленному обмену хотя бы части лиц из общей массы пленнх. Э.Залесский на одном из заседаний заявил, что «для Польши важно быстро произвести обмен 30-40 чел., которые во имя гуманности, должны были быть выданы немедленно». Лоренц возражал, мотивируя тем, что «соображения гуманности должны были бы заставить польскую сторону подумать в первую очередь о массе подлежащей обмену»⁸⁹. Заседания комиссии не оставляли сомнения в том, подчеркивал И.И.Лоренц, что поляки, опираясь на Берлинское соглашение, стремились добиться от советской стороны «своих нескольких важных интернированных, чтобы потом опять развязать руки и не быть заинтересованными в дальнейшем соглашении, по которому к ним могли бы возвращаться массы беженцев»⁹⁰.

Против немедленного обмена не возражала и советско-украинская делегация в Комиссии, но как указывал Г.В.Чичерин в своей депеше в Ригу, следовало бы учесть, «чтобы обмен польских белогвардейцев произошел значительно позже под самый конец». Кроме того необходимо было, чтобы Польша предоставила транзит для перевозки пленнх и интернированных из Германии. Далее Чичерин рекомендовал советской делегации «отнестись чрезвычайно осторожно к громадной беженской массе, соблюдая строгую плановность и не давая возможности полякам выбирать из нее лишь полезные им элементы, фактически оставляя других надолго в России»⁹¹.

Это была дальновидная рекомендация, поскольку в дальнейшем так и происходило на практике при составлении списков и их визировании польской делегацией в Смешанной Комиссии в Москве и при непосредственном обмене.

На первый взгляд было бы правильным произвести обмен всеми категориями пленных и как можно скорее. Но дело в том, что в Договоре о перемирии и прелиминарных условиях мира стороны располагали правом предупредить за 14 дней о возобновлении военных действий. И как указывает председатель российско-украинской делегации в Специальной комиссии И.Лоренц «польская сторона считает прелиминарии еще не мир». И эта точка зрения еще резче выразилась в настойчивом требовании Польши располагать правом предупреждения в определенный срок прервать перемирие и восстановить военные действия⁹². Российско-украинская делегация, подчеркивал он, считала бы «нецелесообразным отказаться от общепринятого модуса, закрепленного в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, что отсылка военнопленных на родину производится по заключении мира». Тем более, что эта позиция нашла свое выражение в ст. VI Договора о перемирии, где обе стороны обязались включить в мирный договор положения, касающиеся обмена военнопленными.

Учитывая эти обстоятельства российская делегация не могла согласиться на то, чтобы несмотря на возможность возобновления в любой момент военных действий, происходила бы выдача военнопленных, т.е. солдат, которые завтра могли бы быть использованы против государства, которое их выдало. Поэтому российско-украинская делегация, говорилось на третьем заседании Комиссии 15 ноября 1920 г., «к сожалению должна констатировать, что, хотя она принципиально стоит на точке зрения желательности по возможности немедленного налаживания добрососедских отношений, она все-таки при создавшихся условиях не может согласиться на немедленный обмен здоровых военнопленных»⁹³.

Каждый день пребывания российских военнопленных в польских лагерях уносил все новые и новые жизни. И, указывая в каких ужасных условиях находились в то время в них военнопленные красноармейцы, председатель Российско-украинской мирной делегации 9 января 1921 г. направил пространное письмо председателю польской делегации. В нем были приведены примеры нечеловеческого отношения к российским военнопленным в различных лагерях и тюрьмах Польши. Обращалось внимание на то, что «неоднократные обещания предпринять меры к улучшению условий российско-украинских пленных в положении их никаких существенных перемен не произошло». В лагерных лазаретах и больницах по-прежнему не было матрацев, одеял, а часто и кроватей, не хватало врачей и другого медицинского персонала, а имевшихся специалистов и медсестер из военнопленных ставили в такие условия, которые не давали им возможности исполнять свои профессиональные обязанности⁹⁴.

Нечеловеческие условия содержания пленных имели самые жуткие последствия и приводили к быстрому их вымиранию. В лагере Домбе зафиксированы случаи избияния пленными офицерами польской армии. В Злочеве пленными били плетью, изготовленными из железной проволоки от электропроводов. В лагере Тухоли избит комиссар 12 полка Кузьмин. В Бобруйской тюрьме военнопленному перебили руки только за то, что он не выполнил приказа выгрести нечистоты голыми руками. Инструктор Мышкина, взятая в плен под Варшавой, была изнасилована двумя офицерами и без одежды брошена в тюрьму на Дзелитной улице в Варшаве. Артистка полевого театра Красной Армии Топольницкая, также взятая в плен под Варшавой, была избита на допросе резиновым жгутом, подвешивалась за ноги к потолку, а затем отправлена в лагерь в Домбе⁹⁵.

Эти и подобные им случаи издевательств над российскими военнопленными стали известны польской прессе и вызвали определенные голоса протеста.

Правительства России и Украины, указывалось далее в письме руководителя российской делегации А.Июффе, «категорически настаивают на немедленном изменении условий содержания российско-украинских военнопленных, в частности на немедленном отстранении от занимаемых должностей тех лиц администрации лагерей, которые виновны в вышеуказанных злодеяниях. Не допуская мысли о возможности подобных условий

существования для польских военнопленных в России и Украине, – подчеркивалось далее в письме, – даже на основе взаимности Российское и Украинское правительства все же, в случае непринятия польским правительством мер, вынуждены будут применить репрессии к польским военнопленным в России и на Украине»⁹⁶.

Следует подчеркнуть, что количество подлежащих обмену лиц в целом с обеих сторон было далеко не равнозначным. По определению И.И.Лоренца количество лиц, подлежащих репатриации, включая беженцев, с территории России и Украины было в 15-20 раз больше, чем с территории Польши⁹⁷. Польская сторона учитывала это обстоятельство и при формировании состава смешанных комиссий предлагала включить в них больше своих представителей. При этом поляки пытались наделить создаваемые комиссии широким кругом полномочий, вплоть до предоставления им права давать указания и распоряжения различным государственным учреждениям и ведомствам. В представленном ими проекте предлагалось, чтобы все государственные и общественные органы «равно как и органы самоуправления обязаны незамедлительно исполнять все поручения, действующей на территории государства Смешанной комиссии по делам, касающимся исполнения настоящего соглашения»⁹⁸.

Такая трактовка полномочий и состава комиссий не устраивала советскую сторону и была ею отвергнута, поскольку российско-украинская делегация считала, что создаваемая комиссия не может подменять органы государственной власти, тем более, что на территории РСФСР и Украины уже имелся специальный орган Центроэвак, который в области репатриации накопил определенный опыт и на его организацию были затрачены большие денежные суммы.

Что касается обмена непосредственно военнопленными, то здесь пропорция наблюдалась совершенно обратная. Если в Польше российско-украинских военнопленных было более 150 тыс., то польских военнопленных в России насчитывалось почти в пять раз меньше. По имеющимся у Польской секции при Политуправлении Реввоенсовета Республики (РВСР) сведениям, которая проводила большую работу среди польских военнопленных, все они были размещены в 33 лагерях России и Украины. На 11 сентября 1920 г. по данным, полученным Польсекцией от 25 лагерей в них содержалось 13 тыс. чел. Однако по мнению руководства Секции эти сведения были далеко не полными и оно считало, что общее число польских военнопленных и интернированных на тот момент достигало 30 тыс.⁹⁹

Согласно сводке Организационного Управления РККА о потерях и трофеях за 1920 год, количество пленных поляков по Западному Фронту по состоянию на 14 ноября 1920 г. составило 177 офицеров и 11840 солдат, т.е. всего 12017 чел.¹⁰⁰ К этому количеству следует добавить попавших в плен поляков на Юго-Западном Фронте, где только во время прорыва Первой Конной Армии в начале июля под Ровно было взято в плен свыше тысячи поляков, а по данным оперативной сводки фронта от 27 июля только в районе Дубно-Бродского было захвачено 2 тыс. пленных¹⁰¹. Кроме того, если сюда приплюсовать интернированные части полковника В.Чумы, воевавшие на стороне армии Колчака в Сибири (свыше 10 тыс.) то общее количество польских военнопленных и интернированных в 30 тыс. вполне реальная цифра.

Положение польских военнопленных в России было гораздо сноснее нежели российско-украинских в Польше. Гуманное к ним отношение, как отмечалось выше, в значительной степени регламентировалось постановлениями и распоряжениями государственных органов и приказами командования Красной Армии. В Главном Управлении общественных работ и повинностей НКВД на 1 декабря 1920 г. имелся план распределения работ на 62 тыс. пленных. В это число входили не только польские пленные, но и пленные гражданской войны, а также 1200 балаховичевцев, которые находились в Смоленском лагере¹⁰². Согласно справке Главного Военно-хозяйственного Управления НКВД (Главвоенхозупра) от 8 декабря 1920 г. в распоряжение Мурманского Подотдела

Главвоенхозупра были отправлены шинели, мундиры старого образца, шаровары, валенки, шапки и другое имущество на 2 тыс. пленных поляков; 10 декабря Ярославскому Подотделу было отправлено такое же имущество на 1500 чел.; Иваново-Вознесенскому – на 500 чел.; 11 декабря в Москву было распределено подобное обмундирование на 1266 чел.; в Харьков в адрес Принудительных работ Украины – на 2000 чел. Кроме того губернские военкоматы только в Нижнем Новгороде и Мурманске должны были отпустить вещевое довольствие на 6 тыс. военнопленных польской армии¹⁰³.

Лагеря в России, подчиненные образованному в декабре 1918 г. Центропленбежу, как правило располагались в дореволюционных воинских казармах и были более приспособлены к содержанию такой категории лиц. Емкость их была значительной. Только в одной Симбирской губернии в лагерях можно было разместить 135400 чел. (В том числе в Симбирске – 45 тыс., Сызрани – 40 тыс., Корсуне – 8,2 тыс., Алатыре – 19,5 тыс. и т.д.). Территориально лагеря располагались по военным округам. Так, в Московском военном округе было 7 лагерей на 18300 чел., Петроградском – 2 лагеря на 3,5 тыс., в Уральском – на 14,5 тыс. и т.д.

Польская Секция при ПУРе, начиная с 23 августа 1920 г. проводила среди военнопленных поляков просветительскую работу. Издавался двухнедельный журнал «Голос пленного», в лагерях проводились собеседования, чтение книг, образованы школы, в которых для неграмотных проводились обязательные занятия, работали библиотеки, читальни. Из военнопленных выбирались комиссии, которые занимались вопросами улучшения быта. В 16 лагерях имелись специальные инструкторы, а также 3 объездных инструктора-контролера. Их количество увеличивалось по мере мобилизации для этой работы гражданских лиц польской национальности. Согласно сводке Польсекции при ПУРе с 24 по 31 августа в лагерь, где содержались польские военнопленные (Вятку, Красноярск, Ярославль, Иваново-Вознесенск, Орел, Звенигород, Кожухов, Кострому, Нижний Новгород) были направлены 10 представителей Секции с соответствующей литературой¹⁰⁴.

Периодические проверки советскими официальными лицами совместно в представителями Польсекции лагерей, где находились польские военнопленные, давали положительные результаты в плане улучшения условий их содержания. Так, при осмотре лагерей в г. Мценске было зафиксировано, что стены с тройной засыпкой, в каждом бараке имелось 6 печей голландского типа, на 15 барак имелся барак-кухня с 6 котлами и печами, способными обслужить не менее 15 тыс. чел. А в д. Сергеево Орловской губернии лагерь был мало приспособлен к приему военнопленных: двойные нары, столовой не было, только остроножающиеся получали белье, один рукомойник на шесть сосков, туалеты переполнены, кругом грязь. Пища малопитательна, пленные ели из бачков. Правда, на 15 декабря в этом лагере находилось всего 60 заключенных и 20 военнопленных¹⁰⁵.

Польские военнопленные находились не только в концентрационных лагерях, но многие из них находились в тюрьмах. Так, например, в Минской тюрьме находилось около 500 польских легионеров, которые в основном отбывали наказание за совершенные ими уголовные преступления¹⁰⁶.

В целом условия содержания польских пленных в России были намного лучше, чем условия, в которых находились российские и украинские пленные в Польше. Определенная заслуга в этом принадлежала Польской Секции при ПУРе РККА, работа которой расширялась и предполагалось открыть ее отделение при Политуправлении Западного фронта.

2 февраля 1921 г. Малый Совнарком РСФСР принял Постановление о военнопленных польской армии, по которому при НКВД учреждалась должность уполномоченного по данному вопросу. По этому постановлению Главному Управлению общественных работ и повинностей НКВД предписывалось в двухнедельный срок разработать план размещения всех военнопленных польской армии на оставшийся срок в отдельных лагерях и других

местах по возможности ближе к крупным центрам, сосредотачивая их большими группами. Следовало составить план маршрутов и расчет необходимого числа вагонов для осуществления их передвижения, а также выявить для этого точное число пленных. Предписывалось также немедленно вернуть всех польских военнопленных с работ на Мурманской железной дороге. Наряду с этим Центральному управлению по снабжению Красной Армии надлежало снабдить пленных поляков вещевым довольствием в количестве 4 тыс. комплектов¹⁰⁷.

Работа образованной на мирной конференции в Риге Специальной комиссии по репатриации продвигалась с трудом. После 4-го заседания была создана специальная Подкомиссия для согласования текста договора по репатриации. В состав Подкомиссии входили по два представителя от каждой из сторон. От советской стороны в нее вошли зав. отделом Центроэвака Ястребов и от НКВД Ж.Сонье. От польской стороны – Э.Залесский и К.Познанский. В течение 10-ти заседаний Подкомиссия согласовала 19 из 36 основных статей Договора, причем 15 из них были приняты в советской редакции¹⁰⁸. 6 января 1921 г. глава Российско-Украинской Мирной делегации сообщал в Москву, что Договор о репатриации был готов и осталось лишь согласовать вопрос об обмене военнопленными. Его решение ставилось советской делегацией в прямую зависимость от продления срока, в течение которого стороны не могли бы возобновить военные действия. Это условие, на чем настаивал глава Российского НКВД Г.В.Чичерин, получило поддержку в Реввоенсовете Республики и у Начальника Полевого Штаба РККА П.П.Лебедева¹⁰⁹. Кроме этого глава советской делегации А.А.Иоффе в письме Чичерину предлагал включить в соглашение о репатриации декларацию Советской России о предоставлении амнистии петлюровцам, балаховичевцам, савинковцам и другим представителям белой военной эмиграции, поскольку репатриация, отмечал Иоффе, дело добровольное и «все эти господа без декларации не рискнут вернуться, а они для нас, в преддверии всяких новых интервенций, гораздо опаснее в Польше, нежели в России»¹¹⁰.

24 февраля 1921 г. Соглашение о репатриации между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой было подписано. Оно было заключено во исполнение статьи VII Договора о прелиминарных условиях мира от 12 октября 1920 г., вступало в силу с момента подписания и не подлежало ратификации. Соглашение состояло из 38 статей, разбитых на 4 раздела. Согласно статье 1-й обе договаривающиеся стороны обязались немедленно «приступить к возможно скорейшей репатриации всех находящихся в пределах их территорий заложников, гражданских пленных, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов»¹¹¹. Ст. 2-я разъясняла понятие «гражданский пленный», «интернированный», «военнопленный», «беженец» и «эмигрант». Гражданскими пленными и интернированными считались все находившиеся на территории одной из договаривающихся сторон граждане другой стороны, содержащиеся или содержавшиеся в заключении, под арестом или под административным надзором. В эту категорию входили также граждане подвергающиеся или подвергавшиеся судебным или административным репрессиям за политические или государственные преступления или преступления в пользу другой стороны. Под военнопленными понимались военнослужащие (комбатанты) договаривающихся сторон, «взятые в плен армиями другой стороны на российско-украинско-польском фронте, равно как и некомбатанты, входившие в состав действующих вооруженных сил и захваченные в плен армиями другой стороны, а также лица, входившие в состав польских отдельных войсковых частей и отрядов, взятые в плен российско-украинскими армиями и на других фронтах и разоруженные и интернированные российскими и украинскими властями»¹¹².

Формулировка «и на других фронтах» явилась следствием компромисса между делегациями. Дело в том, что в ходе обсуждения текста соглашения польская сторона считала необходимым «дать возможность всем желающим вернуться на родину»¹¹³. В число желающих, по мнению польской стороны должны были входить не только

военнопленные польско-украинско-русской войны, но и взятые «в плен с оружием в руках и разоруженные в военных формированиях, сражавшиеся на внутренних фронтах России»¹¹⁴. Однако советская делегация, учитывая, что под эту формулировку подошли бы все пленные поляки, взятые не только на Архангельском, Колчаковском фронтах, но и члены всякого рода преступных военных контрреволюционных организаций. Поэтому российская делегация не согласилась на такое обобщенное определение термина «военнопленный», в результате чего и была принята фраза «и на других фронтах», включавшая в это понятие взятых в плен и воевавших поляков на Восточном фронте в Сибири в частях под командованием полковника Чумы¹¹⁵.

Репатриация по принятому соглашению являлась добровольной и принуждение не могло быть применено «ни прямо, ни косвенно». Лица, предназначенные к отправке, по сдаче занимаемой ими должности должны быть освобождены от службы с предупреждением об этом по месту работы за месяц до дня отправки; при этом освобождение от должности должно произойти не позднее, чем за неделю до дня отправки. В соглашении подробно определялся перечень вещей и предметов, разрешенных или запрещенных к вывозу из страны пребывания.

Для реализации данного Соглашения учреждались, как уже отмечалось выше, две Смешанные Комиссии – одна в Москве, другая – в Варшаве. Каждая из комиссий состояла из двух делегаций: председателя, двух заместителей и трех членов делегаций. Вспомогательный персонал каждой из делегаций не должен был превышать 30 чел. Смешанные комиссии должны были быть образованы не позднее месяца со дня подписания Соглашения о репатриации.

В введение Смешанных комиссий входил широкий круг вопросов, в том числе составление списков репатрируемых, выяснение их количества, посещение лагерей, тюрем, госпиталей и других мест, в которых могли находиться перечисленные в Соглашении категории лиц. Комиссии наделялись правом рассматривать, разрешать или направлять по принадлежности заявления и предложения, вносимые каждой из делегаций, а также правом непосредственного обращения к правительству и центральным органам страны пребывания. В Соглашении было записано также пожелание издавать официальные сообщения по вопросам репатриации за подписью председателей обеих делегаций. Однако, как показала дальнейшая работа комиссий это пожелание, за небольшим исключением, так и осталось на бумаге.

Репатриация должна была осуществляться строго по утвержденным комиссиями спискам, включавшими в себя сведениями из 10-ти пунктов по каждому лицу. В числе первых транспортов должны были быть отправлены гражданские пленные, интернированные и заложники. Что касается военнопленных, то было условлено, что их отправка может начаться и до образования Смешанных Комиссий и, как говорилось в Соглашении, во всяком случае не позднее 10 дней со дня подписания Соглашения. Принцип обмена военнопленных как рядовых, так и командиров, комиссаров и офицеров определялся как «всех на всех»¹¹⁶.

Количество возвращаемых военнопленных не должно было составлять менее 1500 чел. в неделю, причем общая цифра репатрируемых всех категорий определялась в 4 тыс. чел. в неделю, при этом она ни в коем случае не могла быть уменьшена вплоть до исчерпания всех категорий репатрируемых. Однако в процессе реализации Соглашения о репатриации придерживаться строго определенного количества было довольно сложно по разным и часто объективным причинам. В связи с большой протяженностью российской территории создавались трудности с перевозками военнопленных и репатрируемых из сибирских регионов. Предвидя это обстоятельство уже 14 декабря 1920 г. Высший Совет Республики по перевозкам принял Постановление, в одном из пунктов которого предлагалось НКВД и Центроэваку «выяснить возможность направления эвакуируемых военнопленных из Сибири за границу через Владивосток, ввиду невозможности вывозить

их через Европейскую Россию»¹¹⁷. Однако положительного решения по этому вопросу не последовало и пришлось вывозить военнопленных поляков в западном направлении и частые задержки в пути вызывали недовольство польской стороны, требовавшей ускорения отправки. Принятое Постановление Малого Совнаркома РСФСР 2 февраля 1921 г. также давало слабые результаты в этом направлении.

Передаточными пунктами в Соглашении определялись станции Койданово и Столбцы на линии железной дороги Минск-Барановичи и ст. Здолбуново для обеих сторон на линии железной дороги Щепетовка-Ровно. Пункты приема и отправки с каждой стороны должны были быть оборудованы специальными бараками и санитарно-питательными помещениями за счет соответствующих сторон.

К подписанному соглашению был приложен Дополнительный Протокол, в котором стороны признавали целесообразным и соглашались «производить, помимо массовой репатриации, также и персональный обмен лиц, которые выразят на это согласие и о выдаче которых стороны особо заинтересованы»¹¹⁸.

Персональный обмен, также как и массовая репатриация, имел свои специфические сложности. Уже согласованные ранее списки персонального обмена часто уточнялись, а уточненные доходили до другой стороны не вовремя, что вызывало дополнительные согласования. В списки персонального обмена, как правило, включались политические деятели обеих стран, находившиеся как в качестве заложников, так и осужденные за антигосударственную деятельность. Следует подчеркнуть, что списки с российской стороны согласовывались с польскими коммунистическими деятелями, в том числе и находившимися в Польше. Так, ЦК КРПП 12 января 1921 г. из Варшавы обращалось с письмом к А.Иоффе (копия В.И.Ленину) с просьбой «оказать давление на поляков, предлагая им, даже без объявления формальной амнистии, освободить заключенных взамен на благожелательное отношение Советского правительства при выдаче польских заложников»¹¹⁹. Польские коммунисты просили считаться только со списками ЦК. Ст.Семполовская, указывалось в письме, обо всем осведомлена и других списков польских товарищей представлять не будет, при этом в списки для обмена «будут включаться помимо членов ПКП и товарищи из оккупированных территорий, содержащиеся в Польше»¹²⁰.

Соглашение о репатриации от 24 февраля 1921 г. давало правовую основу для осуществления накопившихся проблем по данному вопросу и в определенной степени закрепляло уже начавшийся к тому времени процесс обмена как военнопленными, так и заложниками и гражданскими пленными. Ст. 28-я Соглашения обязывала стороны в первую очередь отправить военнопленных больных и инвалидов, а также те группы и категории военнопленных, которые находились в стране пленения в наихудших условиях содержания. Эта статья явилась развитием ст. VII Договора о перемирии и прелиминарных условиях мира от 12 октября 1920 г. Поэтому, основываясь на этой статье договора, а также на переписке в процессе выработки статей Соглашения о репатриации, уже в ноябре 1920 г. между российской и польской делегациями в Польско-Русско-Украинской Военной Согласительной Комиссии (ПРУВСК), созданной согласно параграфа 8 Договора¹²¹, велась оживленная переписка по поводу обмена больных польских военнопленных, находившихся в Минске на российских военнопленных в Польше. При этом советская делегация и ее председатель в ПРУВСК сначала К.И.Шутко, а затем сменивший его 22 ноября И.Иорданский, с согласия вышестоящих органов при обмене настаивали на двойном числе советских военнопленных, учитывая огромное их количество в Польше. Такая ситуация в основном сохранялась до подписания Соглашения о репатриации, где в отношении военнопленных был принят принцип «всех на всех».

20 ноября 1920 г. К.И.Шутко сообщил Польдеlegationии в ПРУВСК (председатель полковник Я.Гемпель), что со стороны Реввоенсовета Республики нет возражений против выдачи тяжело больных и раненных военнопленных поляков в Минске «при непременно

одном условии получения эквивалента, каковым следует считать получение двойного числа русских военнопленных разных категорий»¹²².

Обмен начался с составления списков подлежащих обмену 20 поляков и 40 российских военнопленных. 4 декабря они были доставлены на ст. Столбцы. Обмен произошел 10 декабря 18-ти фактически прибывших польских военнопленных на 36 красноармейцев. При этом представитель Белкомэвака С.Каган составил протокол о действительном состоянии российских военнопленных. «Красноармейцы, – отмечалось в протоколе, – прибыли чрезвычайно изнуренные и истощенные, в лохмотьях и один даже без всякой обуви. Жаловались на дурное питание и обращение. Вагон был совершенно не приспособлен к перевозке и даже не был очищен от свежего конского навоза, который лежал слоем в 1/4 аршина». Всем прибывшим красноармейцам на месте были розданы табак, спички, хлеб, сахар, теплое обмундирование. В Минске они были осмотрены врачами и 30 из них были отправлены в изолятор Белкомэвака, а остальные в общежитие¹²³.

На официальный протест со стороны Председателя Российско-Украинской делегации И.Иорданского по поводу безобразного отношения к российским военнопленным шеф польской делегации обещал, что «виновные будут преданы военно-полевому суду»¹²⁴.

Таким образом ПРУВСК по согласованию с вышестоящими органами занималась не свойственными ей функциями, а именно осуществляла персональный обмен по запросу обеих сторон. Списки для обмена были небольшими и часто включали отдельных лиц вместе с их семьями. Процесс персонального обмена занимал длительное согласование и несмотря на это, списки не выдерживались и в результате почти всегда стороны получали лиц, в них не включенных. Это происходило из-за того, что информация и учет военнопленных, заложников, гражданских пленников у обеих сторон был поставлен не на должном уровне, а иногда отдельные лица сознательно скрывались от противной стороны. Так, например, в ноябре 1920 г. глава российской мирной делегации в Риге А.Иоффе, выполняя просьбу председателя польской делегации, запросил Москву выяснить судьбу без вести пропавшего на полях сражений в районе Чернобыля подхорунжего Ст.Габского – сына известного польского профессора Габского. Выяснение этого вопроса затянулось до мая следующего года и в имеющихся в то время сведениях о военнопленных и погибших поляков с фамилией Габский сына профессора не оказалось¹²⁵.

Советская сторона наряду с другими интересующими ее лицами, запрашивала, например, сведения о судьбе Н.Вальковича, арестованного за хранение оружия и высланного для отбытия наказания в Познань. На данный вопрос шеф польской делегации в ПРУВСК полковник Гемпель 6 апреля 1921 г. сообщил, что он обратился по данному вопросу к надлежащим польским властям. Но далее в письме он подчеркнул интересную для нас деталь с точки зрения общего количества военнопленных в Польше. Он указывал на то, что «ввиду наличности нескольких сотен тысяч российско-украинских пленников, разыскивание отдельных людей встречает большие препятствия и, следовательно, этим объясняется промедление ответа с польской стороны, тем более, что обмен пленников и заложников уже начался, а поэтому вопрос об отыскании Вальковича потерял остроту»¹²⁶.

Ответ шефа Польской делегации ПРУВСК важен тем, что в нем говорится о «нескольких сотнях тысяч российско-украинских военнопленных» на территории Польши. Это, конечно, преувеличенная оценка, но с учетом интернированных к тому времени частей Петлюры, Булак-Балаховича, Перемыкина, Бредова, Савинкова она близка к действительности.

Еще до подписания Соглашения о репатриации польская и российская делегации в ПРУВСК запрашивали соответствующие инстанции о пунктах, количестве и времени начала массового обмена военнопленными, а также о том, кто будет осуществлять обмен и как технически он будет происходить. Получаемые ответы содержали уже согласованные решения, которые в дальнейшем были включены в соответствующие статьи подписанного

24 февраля Соглашения. На этом основании стороны готовились к приему большого количества военнопленных, заложников, интернированных, а также беженцев. 26 января 1921 г. на совещании органов здравоохранения и эвакуации Западного фронта были выработаны меры по организации специального санитарного поезда, а также по развертыванию в Минске добавочных 800 коек и устройству ночлежного помещения. В ряде российских лагерей были проведены проверки условий содержания польских военнопленных.

В Польше тоже велась подготовка российско-украинских пленных к отправке. Большую работу при этом проводили не столько государственные органы сколько ПОКК, в частности уполномоченная РОКК Ст.Семполовская. Она активно занималась работой по приобретению одежды, питания и по получению подарков для пленных из России и по отправке таковых в Россию для польских военнопленных.

В ноябре-декабре 1920 г. в ряде воинских частей Красной Армии были собраны пожертвования деньгами, вещами и продуктами для российских военнопленных. Продукты и вещи были размещены в двух вагонах. В Польше также были подготовлены 2 вагона подарков, которые 7 января были отправлены в Москву в распоряжение Е.П.Пешковой. Российские же два вагона были отправлены в Польшу 14 января, а когда прибыли в пункт назначения, то оказалось, что продукты в них были почти все непригодны к употреблению из-за плохой упаковки и неудовлетворительного хранения в зимнее время. Сопровождавший этот груз рабочий, сотрудник ЧК Белоруссии Бахтин написал в соответствующий орган доклад, в котором отметил, что «препровождать в таком виде подарки есть явная насмешка над РСФСР, т.к. польские офицеры безусловно скажут рабочим, разгружавшим подарки и видевшим эту картину польским солдатам о хозяйственности, распорядительности и хранении большевиками, как они выражаются (слово Россия и русский у них отсутствует)»¹²⁷.

Однако такой частный случай безответственности к вопросу помощи военнопленным не может идти ни в какое сравнение с тем материалом, который был опубликован 22 декабря в львовской газете «Вперед». В газете сообщалось, что 9 числа в польском лагере Тухоль в один день умерло 45 российских военнопленных. Причиной этому послужило то, что в морозный и ветреный день «полуголых и босых» пленных «водили в баню» с бетонным полом, а затем перевели в грязные землянки без деревянного пола. «В результате, – сообщалось в газете, – беспрерывно выносили мертвецов или тяжело больных».

На официальные, основанные на материалах газеты, протесты со стороны российских делегаций в Риге и в ПРУВСК на бесчеловечное отношение к военнопленным польские военные власти провели расследование. Его результаты, естественно, опровергли сообщения в газете. «9 декабря 1920 г., – извещала польская делегация в ПРУВСК российскую делегацию, – установила в этот день смерть 10 пленных, умерших от сыпного тифа... Баня была нагрета... и здоровые пленные после купания помещались в бараках, предварительно продезинфицированных, больные же помещались прямо в госпиталь»¹²⁸. Газета «Вперед» по результатам расследования была закрыта на неопределенный срок «за помещение преувеличенных и тенденциозных сведений».

Польские власти, чтобы отвлечь внимание от нечеловеческих условий содержания российско-украинских военнопленных, пытались предъявить претензии к советским властям в отношении условий содержания польских пленных в России и на Украине. В частности с польской стороны было выражено недовольство по содержанию 3 тыс. военнопленных в Харькове, которые, якобы, живут в вагонах без довольствия, в следствие чего, мол, ежедневно от голода и холода умирает несколько человек¹²⁹. На это заявление 20 февраля 1921 г. поступил ответ НКВД Украины, в котором решительно опровергались доводы польской стороны. В опубликованном заявлении сообщалось, что все польские пленные уже давно были сведены в особые трудовые части, из которых образованы одна

бригада, три полка и отдельный батальон. В Харькове расквартирован по казармам 3-й полк и отдельный батальон, всего около 1,5 тыс. чел. Помещения чистые, хорошо отапливаются. Люди спят на топчанах или нарах. На работу на фабрики, железную дорогу и другие места пленные ходят только исключительно здоровые и имеющие теплую одежду. Каждая рота имеет свой командный состав из самих пленных. За январь месяц, сообщалось далее в заявлении, в среднем в лечебные учреждения обращалось 14 чел. в день, в амбулаторию 46 чел. Смертность составила всего один человек в отдельном батальоне. Сообщалось также, что ожидается получение дополнительных комплектов теплой одежды. Ответственность за польских военнопленных, говорилось в заявлении, возложена на командование войсками Украины, Штаб трудовой армии, Укрэвак и НКВД Украины. Всем военным властям и гражданским учреждениям предписано отправлять пленным поляков в трудовые бригады впредь до эвакуации на родину¹³⁰.

В соответствии со ст.10 Соглашения о репатриации не позднее месяца со дня его подписания следовало образовать Смешанные Комиссии для выполнения этого соглашения. Такие комиссии были созданы и советская делегация во главе с Е.Н.Игнатовым выехала в Польшу 11 апреля 1921 г. Отъезд польской делегации в Москву задерживался и поэтому российская делегация прибыла в Варшаву лишь в 14 часов 24 апреля. Она была встречена членами польской делегации, секретарем вице-преьера С.Домбровским и уполномоченным РОКК в Польше Ст.Семполовской. 26 апреля произошла встреча председателей делегаций Е.Н.Игнатова и Ст.Корсака, на которой было принято решение провести первое заседание Комиссии 28 апреля.

Российско-Украинская Делегация (РУД) в Смешанной Комиссии по репатриации была первым учреждением, представлявшим Советское правительство на польской территории. Она была встречена откровенно враждебно со стороны органов печати большинства политических партий в Польше. Польская и белогвардейская русская пресса соперничала в своих грубых и лживых высказываниях и разразилась самой недостойной и недопустимой травлей членов делегации. Еще за несколько дней до приезда в Варшаву в прессе появились сообщения о том, что «едущая в Варшаву большевистская делегация, проезжая по территории Польской Республики, разбрасывала из окон вагонов воззвания к польской армии и населению»¹³¹.

Особое рвение в создании атмосферы травли и измышлений по отношению к делегации проявляла варшавская «Газета Поранна», поместившая в 112 и 113 номерах от 25 и 27 апреля статьи совершенно недопустимого характера непосредственно против главы делегации Е.Н.Игнатова. Другая газета «Курьер Польски» повествовала о том, что «каждая миссия из Советской России является ударной группой, задачей которой является уничтожить изнутри строй государства и подготовить почву для господства третьего Интернационала»¹³².

В Смешанной Комиссии в процессе реализации Соглашения по репатриации РУД встречала препятствия со стороны Польской делегации (Польделегации), не говоря уже о выполнении элементарных требований по устройству быта делегации. Одним из шагов, направленным на ослабление влияния Российско-Украинской Делегации в Польше, было решение польской стороны о прекращении полномочий представителя РОКК в Польше Ст.Семполовской. Более того, председатель Польделегации Ст.Корсак утверждал, что ее деятельность «не была лишена черт отчетливо политического характера, отнюдь не всегда шедшего по линии интересов Польского государства»¹³³.

Еще на конференции в Риге был согласован список из 300 фамилий персонального обмена согласно Дополнительного протокола к Соглашению о репатриации. Данный список (а их в дальнейшем было несколько с различным количеством фамилий) был составлен без учета фактического наличия лиц в Польше. При попытке его реализовать оказалось, что многие из указанных в нем лиц или выехали, или умерли, или неизвестно где находились. Тем более, что польская сторона своего встречного списка 300 не

предоставила и предлагала реализовать его по частям. При этом польские власти разрешали членам РУД посещать лишь тех лиц, которые указаны в списке с точным указанием мест, где они находятся¹³⁴. В связи с этим членам РУД приходилось изыскивать различные способы и пути поиска лиц, в возврате которых была заинтересована российская сторона.

По так называемому «списку 300» согласование продолжалось более года. А заявлений с просьбой выехать из Польши, помимо включенных в списки, было огромное количество. «Пленные красноармейцы, – телеграфировал в Москву 12 мая 1921 г. Е.Игнатов, – стремятся всей душой в Красную Республику труда, шлют свой братский привет Московскому Пролеткульту и просят передать поздравления с 1 мая и благодарят за подарки»¹³⁵. 23 мая РУД получила рукописный текст письма от 80 чел. с просьбой скорее вывезти их из Польши. «Многие умерли, – говорилось в этом письме, – не дождавшись освобождения, а другие, заболев, потеряли надежду увидеть свободу. Число больных с каждым днем увеличивается, в случае не скорого освобождения не многим придется вернуться»¹³⁶.

Согласно инструкции, выработанной на заседаниях комиссии и в соответствии с правами, предоставленными Соглашением о репатриации, члены Смешанной Комиссии могли посещать концентрационные лагеря, тюрьмы, где содержались военнопленные, интернированные и заложники. В связи с поступлением большого числа жалоб и заявлений на плохие условия содержания военнопленных польская и советская делегации пришли к соглашению выделить по одному члену из своего состава для рассмотрения поступающих жалоб и принятия по ним решений, а также для последующего доклада на заседаниях Комиссии. Жалоб и заявлений накопилось огромное количество. РУД на заседании Комиссии 3 июня передала Польделегации материалы, содержащие факты избиений и насилия со стороны польской администрации лагерей. В лагере Стржалково в 16 и 17 бараках продолжались избиения пленных, которые были зафиксированы в заявлении за 300 подписями: 27 апреля избиты красноармейцы Волков, Павлов, А.Лапшин; 28 апреля избиты И.Крошунин, С.Анисимов, Н.Пушков, В.Яковлев¹³⁷. В лагере Домбе 7 мая избиты Басканов, Пехтерев, Гришин, Зубов. В рабочей дружине при военном коменданте 9 мая избит красноармеец Стрельцов, а за попытку пожаловаться начальству был посажен в карцер на 14 дней; 9 мая избит Г.Голубев, а П.Конторович был избит настолько, что врачом был освобожден от работ. Из лагерей Тухоля и Барановичей от ряда красноармейцев также поступали жалобы на жестокое обращение и избиения со стороны охраны лагерей¹³⁸.

На основании жалоб и заявлений и в результате собранных сведений из других лагерей и тюрем Председатель РУД Е.Н.Игнатов сообщал в Москву 20 июня 1921 г. (зав. Отделом Запада НКВД Якубовичу и в Центроэвак С.Пилявскому) о том, что «положение военнопленных в лагерях мало улучшилось, а в некоторых даже ухудшилось в смысле режима и побои до сего времени не прекратились. Высший и командный состав теперь редко прибегает к рукоприкладству, но охрана по-прежнему бьет»¹³⁹.

Работа Смешанной Комиссии в Польше, несмотря на расхождения во взглядах на многие вопросы, в частности на порядок визирования списков, соблюдение количественного эквивалента отправляемых и получаемых репатриантов и целый ряд других, все же продвигалась. Процесс обмена происходил довольно интенсивно. Начало отправки российских военнопленных из Польши приходится на март 1921 г., когда 1-й эшелон прибыл на ст. Негорелое 16 марта в 22 часа, хотя по соглашению о репатриации станциями обмена были Столбцы и Койданово. Сообщение об отправке было выслано 6 марта шефом Польделегации ПРУВСК Гемпелем с информацией, что со ст. Барановичи 7 марта в Россию отправляются 2 поезда военнопленных по 1000 чел. в каждом – один на Столбцы, другой на Ровно. Фактически на ст. Негорелое прибыл эшелон с 1500 военнопленными и 3 гражданскими пленными. По его прибытии 27 чел. больных были

переданы в санчасть. До 3-х часов все были накормлены в поезде питания, ночевали в вагонах. Польский питательный пункт (как положено было по Соглашению) еще не был готов к приему пленных. В 15 часов следующего дня эшелон был отправлен в сторону Смоленска¹⁴⁰.

В это же время из России прибыл эшелон с польскими военнопленными в количестве 400 чел., который 19 марта в Орше пополнился и в 5 часов отбыл в Польшу уже в количестве 620 чел.

Второй эшелон с российскими и украинскими военнопленными из Польши отбыл из Барановичей на ст. Негорелое в 9 часов 21 марта в количестве 600 чел. Соответственно эшелон с польскими пленными был отправлен из Москвы 16 марта с 360 пленными и 27 заложниками на ст. Койданово¹⁴¹. 26 марта шеф Польдеlegationи ПРУВСК проинформировал российскую делегацию о том, что отправлен новый транспорт из 500 пленных и 20 интернированных женщин с детьми. 30 марта прибыл 4-й эшелон с российскими военнопленными и с ними 13 интернированных, но общее количество не сообщалось, а говорилось лишь о том, что из прибывших было 50 «парттоварищей», выделенных в отдельный список.

В целом начавшийся поток военнопленных с обеих сторон был довольно интенсивным и советская сторона даже в начале апреля вынуждена была его приостановить на несколько дней. Но уже 4 апреля Комиссар Административного Управления Западного Фронта Носырев дал команду возобновить прием пленных, подготовив в Могилеве 500 мест и в Смоленске – 1000 мест. 8 апреля в Негорелое прибыл очередной эшелон с 500 пленными, а 11 апреля на Украину в Здолбуново был отправлен транспорт из Польши с 665 пленными¹⁴².

Следует подчеркнуть, что процесс обмена военнопленными происходил относительно планомерно, что нельзя сказать об обмене заложниками и гражданскими пленными. Составление списков, их согласование и в особенности их соблюдение вносили постоянную путаницу. Так, отправив второй эшелон с польскими военнопленными и 27 заложниками, советская сторона не получила соответствующего эквивалента с польской стороны, как было предусмотрено в отношении заложников и гражданских пленных по Соглашению о репатриации. В связи с этим зав. отделом Запада НКВД Якубович отдал распоряжение И.Иорданскому задержать отправку эшелона в Польшу. Но к тому времени поезд уже пересек российско-польскую границу.

Путаницу в данном случае внесли сами поляки. В Риге, наряду со списком «300» был согласован один из списков об обмене заложниками и гражданскими пленными, включавшим по 15 фамилий с обеих сторон. Но ко времени отправки эшелона поляки дали новый список уже из 30 чел. и сообщили, что они уже отправлены с эшелоном военнопленных. Советская сторона срочно отправила 27 чел., но из Польши прибыло лишь 3 гражданских пленных. Тогда Иорданский по согласованию с НКВД запросил у польской делегации список из 37 фамилий с учетом, что часть из указанных в нем лиц может отсутствовать. Поляки выслали 20 чел. из предыдущего списка 27-ми и из 37-ми отправили всего 2 чел.¹⁴³

И такое «согласование», а точнее сказать откровенный «торг» по отдельным лицам и по спискам в целом, в числе которых были «желательные» и «нежелательные» для обеих сторон лица, продолжался длительное время с апреля 1921 г. и весь 1922 год. За этот период польские и советские официальные органы обменивались десятками депеш, писем и нот, предьявлялись меморандумы, в т.ч. ультиматумы (в основном с польской стороны), в которых одна сторона обвиняла другую в нарушении как статей Соглашения о репатриации, так и соответствующих статей заключенного в Риге 18 марта 1921 г. Мирного Договора между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой¹⁴⁴. При этом следует подчеркнуть, что Польша в процессе обмена делала упор в основном на отправку из России гражданских пленных и заложников и включала в списки наиболее

состоятельных польских граждан, интеллигенцию и специалистов. Что касается военнопленных то польские власти торопили советские органы с отправкой польских офицеров из Тульского лагеря и интернированных в Сибири польских частей полковника Чумы. «Обращаю Ваше внимание на то, – писал в очередном послании полковник Гемпель Иорданскому, – что в Бутырках больные и в тяжелом положении находятся следующие лица: полковники Скрыба, Дунин, Бржезинский, Залевский и гражданские лица: Мендзыблоцкий, Шиманский, Елизавета Барольская... Положение пленных поляков в лагере в Туле отчаянное. Снабжения продуктами этого лагеря не хватает даже на поддержание физических сил. Пленные привлекаются к тяжелому труду, – сетует Гемпель, – что при скверном питании окончательно их губит... Прошу г-на Председателя об ускорении всеми способами эвакуации этого лагеря. Согласно Рижского соглашения лагерь в Туле должен быть эвакуирован одним из первых, ибо он находится в так называемой голодной губернии. До сих пор из этого лагеря отправлены 60 офицеров и все рядовые солдаты»¹⁴⁵.

В этом послании полковник Гемпель ведет речь о «нужных» Польше людях, не обращая внимания на то, что на польско-русской границе к тому времени уже скопилось огромное (в несколько десятков тысяч) количество беженцев из России, о чем ему было хорошо известно, поскольку он, как шеф Польдеlegationи в ПРУВСК, отвечал за порядок в нейтральной зоне польско-советской границы.

В ответе Председателя российской делегации ПРУВСК от 15 апреля было заявлено, что письмо шефа Польдеlegationи передано в комиссию по репатриации и указывалось, что информация полковника о тяжелом положении польских военнопленных в российском плену не верная ибо «даже внешний вид прибывающих из РСФСР польских пленных не позволяет допустить, что они в лагерях находятся в отчаянном положении»¹⁴⁶.

23 июля РУД в Москве выразила протест Польдеlegationи о нарушении польской стороной прав российских военнопленных в Польше, приводя 52 конкретных случая по этому поводу. Кроме того РУД выступала против перевода 240 военнопленных в лагере Домбе в категорию интернированных, тем более что эти военнопленные принадлежали к командному составу. В связи с этим РУД приостановила отправку в Польшу контингента Тульского лагеря до перевода означенных 240 чел. в разряд обыкновенных военнопленных и отправки их на родину¹⁴⁷.

В свою очередь польское правительство в депеше от 27 августа также обвиняла российскую сторону в том, что репатриация добросовестно не проводится в жизнь. Советские власти, говорилось в ней, «только для видимости держатся лояльно в отношении договора репатриации». Высылка транспортов с гражданскими лицами, по их мнению, производится согласно спискам, составленным с заведомой целью задержания интеллигенции и специалистов. «Несмотря на существование специально созданного аппарата, – говорилось в депеше, – в дела по репатриации совершенно незаконно вмешиваются чрезвычайные комиссии и местные власти». Наряду с этим, польское правительство обвиняло советские власти в преднамеренном создании категории скрытых заложников, списки которых не доводились до сведения польских властей. Поэтому польское правительство требовало, чтобы «русское правительство безотлагательно выдало Польше скрытых заложников, находящихся в наихудших моральных и материальных условиях». Подобные действия России, подчеркивалось далее в депеше, не только задерживают, но и «совершенно уничтожают планомерную репатриацию, над проведением которой успешно работают компетентные органы республики»¹⁴⁸.

Полностью требования Польского правительства были сформулированы 18 сентября 1921 г. в специальной ноте Поверенного в делах Польши в Москве Т.Филиповича. В ноте из 8 пунктов содержались в первую очередь требование «высылки в Польшу всех польских заложников, лиц интернированных и гражданских пленных, бывших и настоящих». Вторым требованием был «возврат всех военнопленных, находящихся на территории Европейской

России». Затем «отправка эшелонов с польскими военнопленными из Сибири», а также освобождение лиц польской национальности от службы в Красной Армии, не исключая ком. состава, санитарных и технических частей. Для этого правительство должно было издать специальное распоряжение. Далее требования касались оптации бывших красноармейцев-поляков, прекращения антипольской устной и печатной агитации и пропаганды среди репатрируемых и другие требования¹⁴⁹. Эти требования явились изложением одной из трех частей по-существу ультиматума Польского правительства правительству РСФСР «по выполнению до 1 октября статей Рижского Мирного договора». Две другие части ультиматума касались уплаты до 1 октября взносов за надлежащую по договору реэвакуацию железнодорожного имущества и ускорения создания Реэвакуационных и Специальных комиссий.

Избрав тактику давления на РСФСР в вопросе репатриации, Польское правительство как бы отвлекало внимание от той ситуации, которая фактически сложилась в вопросе обмена к тому времени. Советское правительство, со своей стороны, «убеждало» польскую сторону цифрами и фактами. Председатель Центроэвака РСФСР С.Пилявский еще в мае писал в Варшаву Е.Н.Игнатову для сведения Польдеlegationи в Смешанной комиссии, что за время до 15 мая из России отправлено 7631, а из Украины 2769 военнопленных поляков и 2 эшелона беженцев. Принят план репатриации на июнь до 28000 чел. в месяц вместо 16000, в том числе 6 тыс. военнопленных. Вместе с беженцами это составит более 30 тыс. чел. «Из чего вытекает необходимость, – указывал С.Пилявский, – увеличить до этой цифры число отправляемых из Польши красноармейцев» и открыть дополнительный обменный пункт. Кроме того он просил сообщить точное количество имеющихся в Польше российских военнопленных¹⁵⁰.

16 июля 1921 г. Игнатов сообщил Пилявскому, что пока дать общее число военнопленных затруднительно, поскольку, мол, большинство членов Польдеlegationи в отпуске и указал, что «комиссия условилась разгрузить в первую очередь лагерь в Стржалково ввиду тяжелых там условий». Всего в лагере к тому времени находилось до 7 тыс. пленных, из которых свыше 200 чел. коммунисты и около 100 чел. комсостава. При этом Игнатов подчеркнул, что разгрузку лагеря поляки ставят в тесную связь с отправкой Тульского эшелона с офицерами¹⁵¹.

Неделей раньше Е.Н.Игнатов уже информировал Наркома Г.В.Чичерина о трудностях в работе Смешанной Комиссии, которые возникали часто из-за неуступчивости Председателя Польдеlegationи Ст.Корсака. Однако участие в работе заместителя председателя Польдеlegationи в Смешанной комиссии в Москве А.Зелезиньского, который хорошо знал ситуацию в России, привело к тому, что, как писал Игнатов, «сгущенная атмосфера стала рассеиваться» и польская сторона приняла некоторые меры к урегулированию наиболее больных вопросов в жизни красноармейцев. Объезд лагерей показал, что положение российских военнопленных по-прежнему тяжелое. В июне всего отправлено 6885 красноармейцев и 426 чел. остальных категорий, а по плану следовало отправить 10 тыс. С 28 мая по 15 июня не было отправлено ни одного эшелона из Польши, а по спискам обмен вообще не производился. Задержка с отправкой пленных из Польши была вызвана тем, что польская сторона специально ее задержала, поскольку учла то обстоятельство, что в первые три месяца после начала массовой репатриации, обнаружилось превышение количества отправленных из Польши репатриантов, по сравнению с числом полученных из России. Затем положение стабилизировалось. По состоянию на 23 июля из Польши в Россию и Украину было отправлено 38098 военнопленных и 1093 беженца и других категорий. Всего 39191 чел. А из России и Украины в Польшу за это же время было отправлено 21535 чел., а беженцев и других категорий – 46337 чел. Всего – 67872 чел.¹⁵² Превышение на 28 тыс. 681 чел. из России и Украины даже вынудили польскую сторону заявить, что она не справляется с приемом и разгрузкой репатриантов. Превышение происходило главным образом за счет потока

беженцев, в том числе и так называемого «самотека». «В общем, – отмечал глава РУД Е.Н.Игнатов в интервью польской газете «Варшавский голос» 29-30 июля, – в настоящее время можно считать, что Россия выслала не менее 80 тыс., получив до 40 тыс. чел. ... Нам обещано, – указывал он, – что будут приняты соответствующие меры к увеличению отправки репатриантов согласно плану, в котором определялась польская норма в 25 тыс., а по 23 июля из этого количества отправлено всего только 7061 чел.». И далее Игнатов подчеркнул, что «если взять количество отправляемых военнопленных от общего числа, что получится, что в Польше русских военнопленных находится еще около половины, тогда как в России польских только около трети»¹⁵³.

На заседаниях Смешанной Комиссии в Москве делегации (председатель РУД С.Пилявский, председатель польской делегации – Э.Залесский) обменивались информацией об отправке эшелонов с репатриантами. Так, на заседании 29 июня констатировалось, что из России и Украины в Польшу было отправлено: в марте – 1565 чел., в апреле – 4092, в мае – 5421 и в июне – 1502 военнопленных. Общий итог на 28 июня составил – 13180 пленных и 13471 беженец, в том числе беженцы «самотека». На август планировалось отправить из Москвы 1500, из Красноярска 3000 и из Ростова – на Дону 1300 военнопленных. К 11 октября 1921 г. только через ст. Негорелое было официально зафиксировано в актах передачи из России в Польшу 20119 чел., а беженцев и заложников – 191258 чел. С учетом «самотека» к тому времени в Польшу проследовало свыше полумиллиона беженцев¹⁵⁴.

Нарком Иностранных Дел РСФСР Г.В.Чичерин в ответной ноте поверенному в делах Польши Т.Филиповичу 22 сентября изложил советскую точку зрения на предъявленный ультиматум. В ней говорилось, что польское правительство, «нарушая вопиющим образом Рижский Договор и подрывая всякую основу добрососедских отношений,... в то же время ответило отказом на предложение Российского Правительства об одновременном выполнении к первому октября обеими сторонами требований, касающихся исполнения Рижского Договора». Подчеркивалось, что польское правительство до сих пор не выполнило своего обязательства, вытекающего из Дополнительного протокола к соглашению о репатриации от 24 февраля с.г. и до сих пор не вернуло Российскому Правительству лиц согласно поименному списку в количестве 300 чел., в следствие чего произошла задержка отправки польских интернированных из России. В ноте констатировалось также, что Польское правительство задерживает прием беженцев из России из-за нежелания усилить пропускную способность приемных пунктов на границе.

Одновременно с этим Российское правительство выдвинуло ряд требований к Польскому правительству в отношении высылки из пределов Польши лиц, «причастных к организации бандитских и контрреволюционных нападений на Россию», ареста и предания суду участников разбойничьих налетов на русскую территорию, перевода лагерей интернированных контрреволюционных армий подальше от российской границы и некоторые другие требования¹⁵⁵.

Правительство РСФСР со своей стороны пошло навстречу требованиям польской стороны и ускорило процесс увольнения из Красной Армии поляков, подлежащих репатриации. Реввоенсовет Республики издал специальный приказ № 2577 об увольнении из армии польских военнослужащих в бессрочный отпуск. В начале ноября 1921 г. было созвано специальное совещание из представителей Центроэвака, НКВД, НКВД, ВЧК и Мобилизационного Управления РККА, которое приняло простейший порядок как в вопросе реэвакуации военнопленных поляков, так и освобождении их из Красной Армии и отправки на родину. Кроме того, Совет Труда и Оборона Республики образовал особую комиссию в составе представителей РВСР, ВЧК под председательством представителя Центроэвака, которой поручалось разрешать на месте все вопросы по репатриации так называемых «военноотпускных». Членам комиссии разрешалось «допускать отступления от установленных правил, руководствуясь соответствующими записями в

красноармейских документах и данных личного опроса»¹⁵⁶. Это решение было вызвано тем, что на западных областях России скопилось огромное количество уволенных в бессрочный отпуск бывших военнослужащих поляков.

Добиваясь различными способами отправки из России «желательных» польских репатриантов, Польша вместе с тем затрудняла работу Смешанной комиссии на польской территории по отправке советских военнопленных. Членам РУД ставились препятствия в предоставлении возможности посещать лагеря и тюрьмы, где принимались заявления и жалобы от пленных и заложников. Под различными Польша сторона старалась не допустить членов РУД осуществлять свои функции в этом вопросе. 3 сентября в очередном сообщении в Москву Игнатов отмечал, что «очевидно поляки хотят по возможности скрыть неприглядную и тяжелую картину жизни красноармейцев. Мои протесты, – отмечал он, – против проволоочки существенного влияния вероятно не окажут, т.к. поляки в связи с поднятой нами энергичной кампанией против избиений начнут затруднять доступ наших уполномоченных в лагеря к интернированным, как это было с тов. Гольдштейном, делегированным от Смешанной Комиссии в Домбе для врачебно-медицинского осмотра больных и инвалидов»¹⁵⁷.

Все же в начале сентября 1921 г. Российско-Украинская Делегация в Смешанной комиссии добилась очередного посещения лагерей и тюрем. Однако объехать все лагеря уполномоченным не удалось, т.к. польская сторона к концу посещения все больше и больше «придиралась ко всякому пустяку». Перед посещением лагеря в Стржалково поляки заявили, что ни в коем случае не допустят, чтобы члены РУД получали письменные заявления и жалобы непосредственно от пленных и интернированных. Такое же требование они выставляли и при посещении лагеря в Домбе, но после полторадневного препирательства поляки все же уступили и члены РУД беспрепятственно получили в Домбе все заявления от пленных и интернированных. В лагере же Стржалково требования членов российской делегации в этом вопросе не были удовлетворены и в знак протеста члены РУД вынуждены были вернуться, не осмотрев лагеря¹⁵⁸.

Требования Российско-Украинской Делегации были вполне законными и не противоречили ст. 21 Соглашения о репатриации и постановлениям, принятым на заседаниях Смешанных Комиссий в Варшаве 8 июля и в Москве 7 мая 1921 г., которые давали такие права членам делегаций.

Во время объезда лагерей представители РУД посетили лагеря в Бресте, Ковеле, Львове, Домбе, Щипиорно и Ланцуте. Не были осмотрены лагеря в Стржалково и Тухоли. Это были как раз самые неблагополучные лагеря для российских военнопленных, поэтому была вполне понятна позиция польских властей, стремившихся не допустить их осмотра.

Во время неудавшегося осмотра лагеря в Стржалково членам делегации стало известно, что с последним эшеленом поляки с согласия председателя Польдегации Ст.Корсака, хотя и с большим опозданием, но все же отправили из этого лагеря командный состав и «коммунистический барак» с более чем 200 чел., за исключением 22 пленных, которые были переведены в лагерь в Домбе¹⁵⁹.

Объезд лагерей имел в целом положительную сторону, а именно позволил ускорить отъезд в Россию военнопленных и интернированных. «В настоящее время, – сообщал Игнатов в очередном письме в Москву, – уже отправлено до 70 тыс. чел. и осталось около 10 тыс., которые в сентябре должны быть отправлены в Россию»¹⁶⁰. Что касается интернированных, то только в лагере в Домбе их было свыше тысячи. Среди них большое число составляли крестьяне, частью неграмотные, взятые поляками как представителей местных комитетов власти или за то, что их сыновья служили в Красной Армии, а частично и вовсе без всяких поводов.

Надежды оставшихся в Польше российских и украинских военнопленных и интернированных на отправку на родину в сентябре не оправдались. Процесс продвигался медленно с большим трудом. Польская сторона создавала все новые и новые препятствия

на пути обмена. Позиция РСФСР, изложенная в ноте правительства от 22 сентября, получила дальнейшее развитие 22 ноября в письме РУД Польдеlegationи «О препятствиях, чинимых польскими властями в проведении репатриации поляков из РСФСР и УССР» и в Меморандуме Советского правительства от 24 ноября 1921 г. В этих документах советская сторона категорически возражала против заявления польского правительства о том, что Польша сокращает количество принимаемых репатриантов и будет пропускать через Барановичи ежедневно «не более 1000 чел., а через Ровно не более 500 чел.». Это было явным нарушением ст. XXVII Соглашения о репатриации, в которой говорилось, что Россия и Украина обязаны были доставлять к каждому передаточному пункту не менее 4 тыс. чел. Это количество было четко и конкретно зафиксировано в согласованном сторонами документе. При этом, следует отметить, что данная цифра не учитывала той огромной массы беженцев, которая хлынула к западным границам России в голодный 1921 год. В связи с этим Советское правительство считало неправомерным и не гуманным со стороны Польши сокращать прием репатриантов. «Российское правительство, – говорилось в письме РУД, – считало для себя невозможным предоставить несчастных польских беженцев в Поволжье голодной смерти». А польское правительство, подчеркивалось в письме, не только не соглашалось на открытие третьего пункта приема, но и сокращало количество принимаемых лиц, настаивая на «плановой репатриации»¹⁶¹.

Польская делегация в Смешанной комиссии в Москве искусственно создавала препятствия на пути движения репатриантов. Получая списки, делегация оставляла их без движения, задерживая визирование эшелонов под различными предлогами. В одном случае это могло быть отсутствие в списках одной их граф, в другом – не тем советским сотрудником был доставлен в комиссию список, в третьем случае находили иную причину и т.д. На необоснованность этих задержек обращали внимание не только члены Российско-Украинской Делегации, но и польские официальные лица. Об этих постоянных придирках польской делегации говорилось в докладе делегата Государственного управления по возвращению пленных, беженцев и рабочих Я.Дзюбинского президиуму Совета Министров Польши в ноябре 1921 г. «Польская делегация в Москве и представительства в других городах России, – подчеркивалось в нем, – корпят над документами отъезжающих, создавая тысячи трудностей, если отсутствует хотя бы одна пустяковая бумажка, требуемая для получения визы». Наряду с этим, говорилось далее, польский пункт приема репатриантов в Колосово был совершенно не оборудован. Не было ни одного барака, где приезжающие могли бы укрыться от холода и дождя. Не было колодца, в котором постоянно имела бы вода и не имелось возможности приготовить горячую пищу. «В таких условиях, – указывалось в докладе, – в дождливые осенние и зимние ночи оставляют в открытом поле на 24 и 48 часов плохо одетых и изголодавшихся людей, детей, в большинстве случаев босых, дрожащих от холода и просящих хлеба, оставляют на произвол судьбы у ворот желанной, ставшей легендой, Польши. А, ведь, нужно так немного, чтобы исправить эту огромную несправедливость. К сожалению, с августа совещаются за письменным столом, вдали от этой ужасной картины гибели человеческих жизней и здоровья»¹⁶².

Такую же удручающую картину на пунктах приема и разгрузки на польской стороне рисует уполномоченный Смешанной Комиссии в Барановичах Лапин, который также говорит о выгрузке в чистое поле, в болото и лес прибывающих из России репатриантов и ожидающих день-два прихода железнодорожных составов из Столбцов¹⁶³.

Периодические посещения лагерей и тюрем с польскими военнопленными в России проводила и Польская делегация Смешанной комиссии в Москве. Однако этих посещений было меньше и не в том объеме как это происходило в Польше. Одним из таких посещений, а именно Ивановского лагеря, где находились 150 польских пленных и интернированных, состоялось 24 декабря накануне Рождества. Проверку проводил

Поверенный в делах Польши в России Т.Филипович вместе с заместителем председателя Польсделегации в Москве А.Зелезинским и доктором Жоховичем. С советской стороны присутствовали два представителя, один из которых был от Управления Главпринудработ НКВД Доменштейн. Комиссия осматривала помещения, опрашивала находящихся там пленных, принимала жалобы на плохое питание и просьбу посетить костел. Посол пообещал вскоре отправить всех на родину и поинтересовался состоянием здоровья объявившего голодовку польского пленного Киндлера. Филипович был удовлетворен сообщением о том, что тот переведен в местную больницу¹⁶⁴.

Чем ближе к завершению процесса обмена военнопленными тем острее и труднее он проходил. Во второй половине декабря в польском лагере Стржалково произошли трагические события. В ночь с 18 на 19 декабря дело дошло до стрельбы по баракам, в результате чего был ранен красноармеец Калита Корней. Дело в том, что заключенным запретили выходить из бараков после 6 часов вечера, а туалетов в бараках не было. Выходящих пленных избивали специально следившие за этим польские солдаты. «До настоящего времени, – говорилось в ноте полномочного представителя РСФСР в Варшаве Л.Карахана правительству Польши 5 января 1922 г., – в лагере происходят ежедневные надругательства над личностью пленных. Избиения военнопленных составляют постоянное явление и нет возможности регистрировать все эти случаи. РУД в целом ряде отношений приводила длинные списки избитых пленных. Все эти избиения [не только] остаются безнаказанными, но до настоящего времени не опубликованы, вопреки постановлению Смешанной Репатриационной Комиссии, приказ от 6 августа 1921 г., запрещающий бить пленных и т.о. тормозится борьба с этим преступным отношением к военнопленным»¹⁶⁵.

Только через месяц МИД Польши, реагируя на эту ноту, высказало сожаление об инциденте в лагере Стржалково. Однако по их мнению этот случай был вызван поведением военнопленных, «которые проявляли в последнее время тенденцию к явному неподчинению действующим правилам и распоряжениям администрации лагеря», а повторяющиеся случаи побегов военнопленных под покровом ночи, «вынудили администрацию к запрещению пленным выходить из бараков после 6 часов вечера»¹⁶⁶.

Можно было бы согласиться с мотивировкой польской стороны, но содержание письма начальника II Отдела Генштаба польской армии И.Матушевского генералу К.Сосновскому от 1 февраля 1922 г. не разделяет этих доводов министерства. «Из имеющихся в распоряжении II Отдела материалов... следует сделать вывод, – говорилось в докладе, – эти факты побегов из лагерей не ограничиваются только Стшалковом, а происходят также во всех других лагерях как для коммунистов, так и для интернированных белых. Эти побегии вызваны условиями, в которых находятся коммунисты и интернированные (отсутствие топлива, белья и одежды, плохое питание, а также долгое ожидание выезда в Россию). Особенно прославился лагерь в Тухоли, который интернированные называют «лагерем смерти» (в этом лагере умерло около 22000 пленных красноармейцев)»¹⁶⁷.

В целом к концу 1921 г. процесс обмена хотя и замедлился, но не останавливался. Общее количество оставшихся военнопленных и интернированных в обеих странах было примерно равным. Польские власти очень внимательно следили за отправкой эшелонов из Сибири и арестованных поляков, находившихся в основном в тюрьмах из европейской России. Советская сторона также стремилась получить оставшихся в концентрационных лагерях военнопленных и освободить многих арестованных политических деятелей. По имеющимся к тому времени в РУД данным к ноябрю 1921 г. в Польше оставалось 1602 военнопленных. Из этого количества 12 ноября было отправлено 472 чел. и были готовы к отправке 257 чел. из лагеря Тухоля, в том числе 161 чел. комсостава. В лагере Стржалково в то время находилось 649 чел., из которых 386 чел. были военнопленные, 200 интернированные, 49 женщин (16 из них фактически военнопленные – бывшие медсестры,

санитарки) и 11 детей в большинстве с родителями. Кроме того 224 пленных находились в Ровно. Таким образом по состоянию на 12 ноября 1921 г. в лагере Стржалково находилось 873 чел. В лагере в Домбе военнопленных не было¹⁶⁸. Отправку оставшихся пленных из Стржалково и Тухоля поляки связывали только с прибытием сибирских эшелонов с интернированными. (По их подсчетам там могло находиться около 12 тыс. чел. с семьями, что было явно завышенным количеством). В течение нескольких дней в Польшу были отправлены три сибирских эшелона с интернированными, за что в качестве компенсации в Россию выехали 472 военнопленных. 22 ноября в Москву из Сибири для следования в Польшу прибыли еще 4 эшелона, в составе которых было более 2 тыс. интернированных поляков¹⁶⁹.

К 10 января 1922 г. в польском лагере Тухоль еще оставались российские военнопленные. Однако к апрелю 1922 г. уже ни одного военнопленного красноармейца в польских лагерях не было. Смешанная Комиссия по репатриации могла бы закончить свою миссию, однако работа продолжалась в основном по персональному обмену, а затем и по репатриации изъявивших желание вернуться на родину солдат бывшей царской армии и амнистированных военнослужащих частей белой армии. 3 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял Постановление об амнистии отдельным категориям военнослужащих, находящихся за границей и желающих вернуться на родину. Постановление касалось полной амнистии лицам, участвовавшим в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булак-Балаховича, Перемыкина и Юденича «в качестве рядовых солдат путем обмана или насильственно втянутых в борьбу против Советской власти» и находящихся в Польше, Румынии, Эстонии, Литве и Латвии. Амнистированным предоставлялась возможность вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися на родину военнопленными¹⁷⁰.

Затем 10 февраля 1922 г. Председатель ВЧК издал приказ о порядке применения амнистии ВЦИК к бывшим белым офицерам, по которому отдельные категории военнослужащих офицеров также подлежали амнистии¹⁷¹.

По данным польского историка З.Карпуса в 19 лагерях Польши по состоянию на 4 февраля 1921 г. находилось 24688 интернированных военнослужащих белых армий¹⁷². По сведениям РУД в Польше к моменту заключения перемирия численность белых армий достигала приблизительно 40 тыс. чел., причем самой значительной была армия Петлюры, состоявшая из 6 дивизий – 15 тыс. чел., армия Балаховича – 7-8 тыс., столько же перемикинцев, бредовцев до 1,5 тыс., яковлевцев около тысячи и др. При этом РУД отмечала, что состав белых армий в значительной части состоял из бывших красноармейцев попавших в плен¹⁷³.

Процесс персонального обмена, зафиксированный в Дополнительном протоколе к Соглашению о репатриации практически не продвигался из-за противодействия польской стороны. Еще 30 мая 1921 г. Советское правительство обратилось к Министерству Иностранных Дел Польши с требованием выдачи 300 чел., большинство из которых были польские граждане, находившиеся в заключении за деятельность в пользу Советской России. В течение 1921 г. Польша выдала из этого списка 298 лиц. Однако встречного списка на такое же количество Польша не представила, несмотря на то, что Советское правительство готово было его удовлетворить на основании подписанного Дополнительного протокола к Соглашению. 6 февраля 1922 г. в Варшаве РУД обратилась к Польдегации с новым списком, включавшим 317 фамилий для обмена на нужных Польше лиц, находившихся в России. Ответ на данное предложение затянулся до ноября 1922 г. 3 ноября на заседании Совета Министров Польши был принят законопроект о персональном обмене, который был утвержден Сеймом 16 марта 1923 г. 18 марта 1923 г. Советская Россия получила 23 польских коммуниста, которых польский суд обвинил в государственной измене и осудил всех вместе в целом на 150 лет каторжной тюрьмы¹⁷⁴.

31 января 1923 г. в ноте НКВД поверенному в делах Польши в РСФСР Р.Кноллю констатировалось, что в деле репатриации произошли значительные изменения, число репатриантов быстро сокращается. В связи с этим Российское правительство, говорилось в ноте «отзывает российскую делегацию Российско-Украинско-Польской Смешанной Комиссии по репатриации в Москве и в Варшаве». В ответе Р.Кнолля 1 февраля выражалось согласие на скорейшее окончание выполнения задач Репатриационной комиссии. Однако, несмотря на согласие сторон, фактически работа комиссии продолжалась, при этом Советская Россия стремилась ускорить этот процесс. Польша же, формально не возражая против завершения персонального обмена, его затягивала ее делегация в Комиссии занимала «позицию пассивного выжидания», а не активного сотрудничества. В связи с этим 4 июня 1923 г. НКВД РСФСР разослал своим учреждениям циркуляр, устанавливавший окончательный срок подачи заявлений до 1 июня и выезд до 1 августа 1923 г. Но, затем, по просьбе польского правительства отъезд зарегистрированных лиц был продлен до 1 октября 1923 г.¹⁷⁵

В конце апреля 1924 г. на основе соглашения, заключенного между советской и польской делегациями в Репатриационной комиссии был произведен очередной обмен политическими заключенными между СССР и Польшей. 25 июня 1924 г. в резолюции Смешанной Российско-Украинско-Польской Репатриационной Комиссии в Москве констатировалось о завершении массовой репатриации из СССР. Согласно сообщению РОСТА от 21 мая 1924 г. общее число репатриантов, возвратившихся в Польшу из СССР в период с апреля 1921 г. по апрель 1924 г. составило 1100000 чел. Поляки составили 15-20% от общего количества, около 65% составили украинцы и белорусы. По польским источникам на территории СССР к тому времени осталось около 1,5 млн. поляков¹⁷⁶.

Что касается российских и украинских военнопленных, то из общего их числа более чем 150 тыс. на родину вернулось около 80 тыс. Около 60 тыс. умерли в лагерях и тюрьмах из-за болезней и нечеловеческих условий существования. В ноте Наркома Иностраных Дел РСФСР Г.В.Чичерина от 9 сентября 1921 г. уже приводилась цифра в 60 тыс. умерших и в очередной ноте от 24 ноября того же года поверенному в делах Польши в РСФСР подчеркивалось, что «перед подобными цифрами и описанные выше факты (имелись ввиду условия содержания военнопленных) все упреки и претензии польского правительства по данному вопросу отпадают без дальнейших доказательств»¹⁷⁷.

В одном из сообщений в Москву и.о. Председателя РУД в Смешанной Комиссии по репатриации в Польши Е.Пашуканис отмечал 22 сентября 1921 г., что польское правительство отвергало цифру в 60 тыс. умерших красноармейцев в польских лагерях, считая, что она основана на неверных данных. «Действительно, – подчеркивал он, – мы не можем указать точной цифры, потому что польское правительство... не дало списков умерших, к чему обязывала его статья IX Мирного Договора»¹⁷⁸. К этому обязывала также Гагская Конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны», но о признании которой ни Польша, ни Советская Россия в то время официально не заявляли. Однако, что касается Красного Креста, то СНК РСФСР еще 30 мая 1918 г. принял Постановление о признании Женевской и других международных конвенций, касающихся Общества Красного Креста. В Постановлении указывалось, что эта конвенция, «как в ее первоначальной, так и во всех ее позднейших редакциях, а также и все другие международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октября 1917 г., признаются и будут соблюдены Российским Советским правительством, которое сохраняет все права и прерогативы, основанные на этих конвенциях и соглашениях»¹⁷⁹. Женевская конвенция 1864 г., определяющая деятельность Общества Красного Креста была ратифицирована Польшей в конце 1918 г.¹⁸⁰

Относительно ясную картину в отношении гибели российских военнопленных можно наблюдать по «лагерю смерти» в Тухоли, в котором имелась официальная статистика, но и то только в отдельные периоды пребывания там пленных. Согласно этой, хотя и не полной

статистике, с момента открытия лазарета в феврале 1921 г. (а самые трудные для военнопленных были зимние месяцы 1920–21 гг.) и до 11 мая этого же года эпидемических заболеваний в лагере было 6491, неэпидемических – 17294. Всего – 23785 заболеваний. Число пленных в лагере за этот период не превышало 10-11 тыс., поэтому более половины находящихся там пленных переболело эпидемическими болезнями, при этом каждый из пленных за 3 месяца должен был болеть не менее двух раз. Официально за этот период было зарегистрировано 2561 смертный случай, т.е. за 3 месяца погибло не менее 25% от общего числа военнопленных¹⁸¹. А ведь в это время в лагере уже начал действовать лазарет. Поэтому прав был начальник II-го Отдела Генштаба польской армии И. Матушевский, когда приводил данные о смерти 22 тыс. пленных красноармейцев в этом лагере.

Существует и более высокая цифра погибших военнопленных в лагерях Польши. В 1998 г. в письме Генпрокуратуры Российской Федерации в адрес польской прокуратуры обращалось внимание на гибель в начале 20-х гг. более восьмидесяти тысяч пленных красноармейцев «в польских концентрационных лагерях от жестокого обращения и бесчеловеческих условий содержания»¹⁸². К этой цифре практически присоединяется и А. Колпаков, который определяет количество не вернувшихся из польского плена в 89 тыс. 851 чел. в статье «На личном фронте. Польская Катынь для 90 тыс. русских», опубликованной в газете «Московский комсомолец» за 27 января 1999 г.¹⁸³ Конечно, факт важный и может быть заслуживает выделения в статье особым шрифтом, но автор статьи упоминает отчет Американского союза христианской молодежи, представители которого посетили Польшу в октябре 1920 г. (а не в 1921 г. как указано в статье), которая свидетельствовала о вербовке большого числа красноармейцев в отряды белого движения – более 50 тыс. чел. (Цифра, также завышенная). В связи с этим с цифрой более 80-ти тыс. погибших в польском плену красноармейцев вряд ли можно согласиться.

Существуют и заниженные оценки количества погибших российских военнопленных как в целом, так и по отдельным лагерям, в частности по самому крупному лагерю Стржалково. В начале 90-х годов между СССР и Польшей происходил обмен архивными документами, раскрывавшими так называемые «белые пятна» в истории взаимоотношений двух стран. В обмен на «особую папку» с документами о Катыни и копиями с 59 документов о советско-польских отношениях в 1939-61 гг., СССР получил «партию документов» из Польши, касающихся польско-советской войны 1919–20 гг. Полученные от СССР документы, по выражению начальника дирекции Государственных Архивов Польши М. Войчеховского, были не класса «люкс» и даже не «первой категории». Такого же класса оказались полученные документы из Польши, хотя они и дают определенную, но далеко не полную, картину в отношении погибших военнопленных в лагере Стржалково. Общее число погибших в этих документах определялось в 5340 чел. Это за три года в одном только лагере, подчеркивал корреспондент газеты «Известия» Н. Ермолович, «цифра, согласитесь, – писал он, – огромная»¹⁸⁴. Огромная, но не полная. В этом лагере от болезней и жестокого обращения погибло 9 тыс. чел., с чем почти согласен и польский исследователь Збигнев Карпус, определяя число умерших в этом лагере в 8 тыс. чел.¹⁸⁵

Месяцем раньше тот же корреспондент газеты «Известия» Н. Ермолович приводил слова директора Центрального военного архива в Варшаве полковника Анджея Бартника о том, что в архиве хранятся документы, интересующие советскую сторону. «Они находятся в разделе «Польско-русская война 1919–1920 гг.» и до сих пор спрятаны глубже других. Так было сделано потому, чтобы не напоминать советским друзьям об агрессии против Польши и понесенном поражении»¹⁸⁶.

В 1994 г. обозреватель «Независимой газеты» П. Аптекарь в статье «Ненужная Контркатынь» считает количество погибших в польских лагерях в 60 тыс. чел. значительно завышенной оценкой. Он ссылается на польские данные из Центрального Военного Архива, архивов воеводств и кладбищенских архивов, по которым в 1919–1921 гг. в

Польше умерло около 18 тыс. пленных красноармейцев и командиров. Автор считает эту цифру «гораздо более правдоподобной». И хотелось бы согласиться с мнением автора о том, что «умершие от болезней и холода в чужой стране заслуживают того, чтобы о них помнили, но это вовсе не значит, что можно позволять греть руки на их пепле вполне определенным политическим группировкам»¹⁸⁷. Какие имел в виду автор политические группировки не ясно, но ясно то, что какой бы горькой правда не была в исторических исследованиях она должна быть максимально полной.

Найти объяснения тем трагическим результатам, которые постигли российских военнопленных в польских лагерях, довольно трудно. Пребывание в польском плену было настолько унижительным, что говорить о соблюдении каких-либо международных норм не приходится. Советская делегация в Риге пыталась обратить внимание польской мирной делегации на несоответствие условий содержания военнопленных Гаагской Конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны», в частности на деление военнопленных на различные категории. Однако положительного результата в этом направлении достигнуто не было¹⁸⁸.

В процессе переговоров делегаций Обществ Красного Креста России и Польши в Микашевичах была предпринята попытка рассмотреть вопросы ведения и обычаев войны, а на переговорах в Берлине представителей этих обществ в сентябре 1919 г. даже было подписано соглашение, касающееся облегчения участи жертв войны, но какое-либо положительное воздействие на судьбу военнопленных оно не повлияло. И, вероятно, не только игнорирование международно-правовых норм, законов и обычаев войны, в которых регламентировались правила воюющих сторон определяли такие нечеловеческие отношения к военнопленным, а, возможно, политико-психологическая атмосфера в то время в Польше не способствовала соблюдению элементарных гуманитарных норм в этом отношении. И, пожалуй, можно согласиться с мнением Председателя Российско-Украинской Делегации в Смешанной Комиссии по репатриации Е.Аболтина, высказанным им в феврале 1923 г. о том, что «может быть ввиду исторической ненависти поляков к русским или по другим экономическим или политическим причинам военнопленные в Польше рассматривались поляками не как безоружные солдаты противника, а как бесправные рабы».

И, если прошло не одно десятилетие с 1940 г. до признания советской стороной ответственности за гибель польских офицеров в Катыни, а также интеллигенции, государственных, общественных и политических деятелей и служащих в других местах, то мы вправе ожидать этого же и от польской стороны, тем более, что со времени гибели российских военнопленных в польских лагерях прошло гораздо больше времени.